

Наталия Рокотова (Е.И. Рерих)

ОСНОВЫ БУДДИЗМА

Книга «Основы буддизма», впервые вышедшая анонимно в 1927 году в Урге (Улан-Батор), переизданная в 1940 г. в Риге под псевдонимом Наталия Рокотова, принадлежит перу Елены Ивановны Рерих. Здесь в сжатой форме изложены главные идеи раннего буддизма, которые затем были продолжены в Учении Живой Этики (Агни Йоги).

Предисловие

Великий Готама дал миру законченное учение жизни. Всякая попытка сделать из великого эволюционера бога приводит к нелепости.

Конечно, до Готамы был целый ряд подвижников общего блага, но учение их расплылось сотнями веков. Потому учение Готамы должно быть принято как первое учение знания законов великой материи и эволюции мира.

Современное понимание общины дает прекрасный мост от Будды до наших дней. Произносим эту формулу не для возвеличивания, не для умаления, но как факт очевидный и непреложный.

Закон бесстрашия, закон отказа от собственности, закон ценности труда, закон достоинства человеческой личности вне классов и внешних отличий, закон реального знания, закон любви на основе самопознания делают заветы Учителей непрерывной радугой радости человечества.

Построим основы буддизма в его явленных заветах. Учение простое, равное по красоте Космосу, удалит всякий намек на идола, недостойный великого Учителя народа.

Знание было ведущей тропой всех великих Учителей. Знание позволит подойти к великим учениям свободно, жизненно, как жизненно реальна сама великая материя.

Не будем вводить позднейших сложностей, кратко скажем о тех основах, которые не могут быть отрицаемы.

Радость всем народам!

Радость всем трудящимся!

ОСНОВЫ БУДДИЗМА

Говоря об основах буддизма, нельзя останавливаться на позднейших усложнениях и разветвлениях. Важно знать, что идея очищения учения всегда жива в буддийском сознании. Вскоре после смерти Учителя начались известные соборы в Раджагрихе, потом в Вайшали и в Патне, возвращая учение к его первоначальной простоте.

Главные существующие школы буддизма – Махаяна (Тибет, Монголия, Россия – калмыки, буряты, Китай, Япония, Северная Индия) и Хинаяна (Индия, Китай, Бирма, Сиам, Цейлон и Индия). Но во всех школах одинаково помнят о качествах самого Учителя.

Качества Будды: Шакья Муни – мудрый из рода Шакья; Шакья Синха – Шакья Лев; Бхагават – Благословенный; Саттха – Учитель; Татхагата – Прошедший Великий Путь; Джина-Победитель; Владыка Благого Закона.

Необыкновенно прекрасен этот приход царя в облике могучего нищего. «Идите, вы нищие, несите спасение и благо народам». В этом напутствии Будды в одном определении «нищие» заключена целая программа.

Познавая учение Будды, понимаете, откуда идет утверждение буддистов: «Будда – человек». Его учение жизни – вне всяких предрассудков. Храм для него не существует, но есть место собраний и дом знаний, тибетские дуканг и цуглаканг.

Будда отрицал существование личного Бога. Будда отрицал существование вечной и неизменной души. Будда дал учение жизни каждого дня. Будда действенно выступал против собственности. Будда лично боролся против изуверства каст и преимущества классов. Будда утверждал опытное, достоверное знание и ценность труда. Будда заповедал изучать жизнь мира в полной его реальности. Будда положил основание общине, предвидя торжество Общины Мира.

Сотни миллионов почитателей Будды распространены по всему миру и каждый утверждает: «Прибегаю к Будде, прибегаю к Учению, прибегаю к Общине».

Буддийская письменная традиция и современные нам исследования устанавливают ряд подробностей жизни Готама Будды. Кончина Будды относится большинством исследователей к 483 г. до нашей эры. Согласно сингальским хроникам, Будда жил с 621 по 543 г. до н.э. А китайские хроники фиксируют рождение Будды в 1024 г. до н.э. Указан возраст Учителя – около восьмидесяти лет (устные традиции утверждают сто лет). Известно место рождения Учителя – Капилавасту, расположенное в Непальском Тераи. Известен царский род Шакья, из которого происходил Готама.

Конечно, все биографии великого Учителя сильно приукрашены современниками и последователями, особенно в позднейших писаниях, но для сохранения колорита и характера эпохи приходится до некоторой степени пользоваться традиционным изложением.

Согласно преданиям, в шестом веке до нашей эры в Северной Индии, в предгорьях Гималаев, существовало владение Капилавасту; оно было населено многочисленными племенами Шакья, потомками Икшваку, солнечного рода кшатриев. Они управлялись старшим племени, и глава племени жил в городе Капилавасту, от которого в настоящее время не осталось следов, ибо еще при жизни Будды он был разрушен соседним враждебным царем. В то время в Капилавасту царствовал Шуддходана, последний прямой потомок Икшваку. От этого царя и его жены Майи рожден был будущий великий Учитель, получивший имя Сиддхарта, что означает – «исполнивший свое назначение».

Видения и пророчества предшествовали его рождению. Немало легенд о его чудесном зачатии. Так, по одной легенде, Бодхисаттва, избрав царицу Майю своею матерью для своего появления на земле, принял образ чудесного белого слона и вошел в ее чрево; по другой – это был сон, который видела Майя. По древнему преданию, видение слона всегда означает воплощение божественного Аватара. Само рождение его в день майского полнолуния сопровождалось многочисленными благоприятными знаменами на небесах и земле. Так, великий Риши Атиша, находившийся в Гималаях, в отшельничестве, услышав от Дэв о рождении в роце Люмбини (вблизи Капилавасту) Бодхисаттвы, будущего Будды, который пустит в ход Колесо Учения, немедленно собрался в путь для воздаяния почитания будущему Учителю человечества. Придя во дворец Шуддходаны, он выразил желание увидеть новорожденного Бодхисаттву. Царь приказал принести младенца, ожидая благословения от великого Риши. Но Атиша, увидев младенца, сначала радостно улыбнулся, затем зарыдал. Обеспокоенный царь спросил о причине его горя и не видит ли он дурных предзнаменований для его сына. На это Риши ответил, что ничто не угрожает младенцу. Он радуется, ибо

Бодхисаттва достигнет полного озарения и станет великим Буддой, но он скорбит, ибо не доживет до его дней и не услышит Великий Закон, который будет оповещен во спасение мира.

Царица Майя, дав рождение Бодхисаттве, на седьмой день умерла, и место ее заняла сестра ее, по имени Праджапати. В истории буддизма она известна как первая ученица Будды и как основательница и первая настоятельница женской буддийской общины.

По обычаю того времени на пятый день после рождения Бодхисаттвы сто восемь браминов, из наиболее сведущих в Ведах и предсказаниях, были созваны во дворец Шуддходаны, чтобы дать имя новорожденному царевичу и прочесть и определить его жизненный путь в предначертаниях светил.

Восемь из самых ученых сказали: «Имеющий такие знаки, как царевич, сделается мировым монархом – Чакравартин, но если он удалится от мира, он станет Буддой и снимет пелену невежества с глаз мира».

Восьмой, самый молодой, добавил: «Царевич покинет мир после того, как он увидит четыре знака, – старика, больного человека, труп и отшельника».

Шуддходана, желая удержать сына-наследника, принял все меры к тому. Окружил его роскошью, всеми удовольствиями, которые могла предоставить царская власть. Зная, что сын его будет побужден к отречению и уходу указанными четырьмя встречами, царь издал строжайши указ наблюдать за тем, чтобы царевич не мог увидеть ни одного из указанных явлений. Во все четыре стороны на расстоянии четверти мили от дворцов была поставлена надежная стража, которая никого не должна была пропускать. Но предначертанное исполнилось.

Есть много данных, указывающих, что царевич Сиддхарта получил прекрасное образование, ибо знание в те времена было в большом уважении и, согласно примечанию в Буддхачарита Асвагоши, самый город Капилавасту был назван так в честь великого Капилы, основателя философии Санкхья. Отзвуки этой философии могут быть найдены в учении Благословенного.

В Каноне для большей убедительности в уста самого Будды вложено описание роскошной жизни при дворце Шуддходаны. «О нищенствующие, я был воспитан в утонченности, в чрезвычайной утонченности. Во владениях моего отца пруды лотосов, синих, белых, и красных, были сделаны для меня. Я употреблял сандаловое масло только из Бенареса, и все мои одежды привозились из Бенареса. День и ночь белый зонтик держали надо мною, чтобы ни зной или холод, ни пыль или дождь не коснулись меня. Я владел тремя дворцами – один для зимы, другой для лета и третий для дождливого периода. В продолжение четырех дождливых месяцев я был окружен музыкантами, певцами и танцовщицами и не покидал дворца. И тогда как в других владениях отруби риса давались в пищу рабам и работникам, у моего отца рабы и работники получали рис и мясо в пищу».

Но эта роскошь и счастливая беззаботная жизнь не могли усыпить великий дух, и в древнейших традициях мы встречаем указание, что пробуждение сознания к страданиям человечества и к проблемам существования произошло гораздо раньше, нежели это принято позднейшими писаниями.

В той же Ангуттара-Никая приведены и следующие слова, якобы самого Будды: «И мне, о нищенствующие, рожденному в такой роскоши и воспитанному в такой утонченности,

явилась мысль: «Истинно, невежественный, обыкновенный человек, будучи сам подвержен старости, без возможности избежать ее, печалится, когда он видит, как стареют другие. Я тоже подвержен старости, и не могу избежать ее. И если я, будучи подвержен всему этому, увижу дряхлого старика, болеющего и страдающего, то тяжело будет мне». (То же повторяется и о болезнях, и о смерти). Продолжая так размышлять, вся моя радость юности исчезла навсегда».

Так, по этим традициям, Бодхисаттва с самых ранних лет проявлял необычайное сострадание и зоркую наблюдательность к окружающим явлениям. Сказания изобилуют трогательными эпизодами из детской жизни Бодхисаттвы. Приведем некоторые из них.

В Махавасту рассказывается, как однажды малолетний Бодхисаттва с царем и в сопровождении придворных находился в парке. И так как он мог уже самостоятельно ходить, то прошел незамеченный по направлению к местному селению, и тут на поле он увидел змею и лягушку, убитых плугом. Лягушка была взята в пищу, змея же выброшена. Зрелище так поразило Бодхисаттву, что он преисполнился великой печали и ощутил необычайное сострадание. И, желая уединиться для размышления над только что увиденным, он направился к цветущей яблоне, стоявшей в уединенном месте. Здесь, сидя на земле, покрытой сухими листьями, он предался своим мыслям. Тем временем царь, обеспокоенный его отсутствием, послал придворных на его розыски. Один из них нашел его под тенью яблони, погруженного в глубокое размышление.

Другой раз он увидел пахарей. Они были грязны, нечесаны, босы и по телу их катился пот. Они погоняли быков железными прутьями. По спинам и бокам животных струилась кровь. Они были изъедены мухами и насекомыми и покрыты кровоточащими и гноящимися ранами от ударов железными прутьями; отягощенные своим ярмом, они едва переводили дыхание, надрываясь в страшных усилиях. Нежное сердце Бодхисаттвы преисполнилось острого сострадания.

«Кому принадлежите вы?» – спросил он пахарей.

«Мы собственность царя», – отвечали они.

«От сего дня вы больше не рабы, вы больше не будете слугами. Идите, куда хотите, и живите в радости».

Он также освободил быков, сказав им: «От сего дня паситесь на свободе и пейте самую чистую воду, и пусть благодатный ветер с четырех сторон света овеет вас».

Затем, увидев тенистое бамбуковое дерево, он сел у его подножия и предался размышлению.

Девадата, увидев гуся, летящего над своей головой, пустил стрелу, и раненная птица упала в сад Бодхисаттвы. Бодхисаттва поднял ее и, вынув стрелу, перевязал рану. Девадата послал за птицей, но Бодхисаттва отказался отдать ее посланцу, сказав, что птица принадлежит не тому, кто хотел лишить ее жизни, но тому, кто спас ее. Так произошел первый разлад с Девадатой.

Когда царевичу исполнилось шестнадцать лет, по обычаю его страны он должен был избрать себе супругу после того, как явится победителем на состязаниях в военном искусстве и в играх. Выбор царевича пал на царевну Яшодхару из того же рода Шакья. Она стала матерью Рахулы, который впоследствии сделался учеником своего отца и достиг Архатства.

Но личное счастье, как бы ни было оно велико, не могло удовлетворить огненно устремленный дух Бодхисаттвы. Сердце его продолжало отзвучать на каждое человеческое горе, и ум его, созерцая непостоянство и скоротечность всего существующего, не ведал покоя. Он томился в роскошных помещениях своего дворца, и, подобно льву, пронзенному ядоносной стрелой, в страдании восклицал: «Мир полон невежества и страдания, нет никого, кто бы мог исцелить недуги существования!»

Это состояние его духа символически описано в четырех предуказанных встречах, запечатлевшихся в уме царевича сознанием страдания и тленности всего сущего. После них он оставил свое царство в поисках освобождения мира от страдания.

По древним текстам, решение Будды уйти от мира возникло из его внутреннего влечения, но позднейшие тексты приписывают это воздействию Богов, которые побудили его к этому и послали ему четырех ангелов, принявших образы дряхлого старика, больного, трупа и анахорета. Так, в древней биографии в стихе, следующем после третьей встречи, имеется примечание, что только Бодхисаттва и его возница видели труп, который переносили через дорогу. Согласно этой Сутре, царевичу немногим менее двадцати лет. Так легенда гласит:

Однажды царевич сказал своему возничему Чандака, что он желает проехаться по парку. На пути им повстречался дряхлый старик. Возница объяснила царевичу, что есть старость и как все люди подвержены ей. Глубоко потрясенный царевич велел повернуть обратно и вернулся домой.

Вскоре после этой встречи он снова проезжал тем же парком и на дороге увидел человека, все тело которого было обезображено отвратительной болезнью, и тяжело стонавшего от страданий. Возница пояснил ему, что есть болезнь и как все люди подвержены тому же. И снова царевич приказал повернуть обратно. Все удовольствия поблекли для него, и радости жизни стали ненавистны.

Другой раз он повстречал шествие с зажженными факелами, люди несли носилки и на них нечто, закрытое белым покровом; женщины с распущенными волосами и громким плачем сопровождали их – это был труп.. Чандака сказал ему, что все люди должны придти к такому состоянию. И царевич воскликнул: «О, люди! Как пагубно ваше обольщение! Неизбежно ваше тело обратится в прах, но вы продолжаете жить беззаботно, не обращая ни на что внимания!» Возница, заметив, какое впечатление произвело это зрелище на царевича, повернул коней по направлению к городу.

Тут произошел новый случай, который как бы указал царевичу разрешение мучившего его вопроса. Когда они проезжали мимо дворцов, принадлежавших представителям знати из рода Шакья, одна из царевен увидела царевича с балкона своего дворца и приветствовала его стихами, в которых слово нибутта (Нирвана, освобождение, счастье) повторялось в каждой строке, означавшими:

«Счастлив отец, породивший тебя,
Счастлива мать, взрастившая тебя,
Счастлива жена, которая назовет мужем этого прекрасного возлюбленного.
Она станет превыше страданий».

Царевич, услышав слово нибутта, снял с шеи драгоценное ожерелье и послал его царевне, прося ее принять это в награду за то наставление, которое она ему дала. Он подумал:

«Счастливы те, которые нашли освобождение. Стремясь к спокойствию ума, я стану искать блаженство Нирваны».

В ту же ночь Яшодхаре снился сон, что царевич покинул ее; проснувшись, она рассказала ему свой сон: «О, мой возлюбленный, куда ты пойдешь, позволь и мне пойти за тобою».

И он, намереваясь отправиться туда, где не было страданий (Нирвана), ответил: «Пусть будет так, куда я пойду, ты тоже можешь идти».

После возвращения Будды Яшодхара вместе с его второй матерью Праждапати стали его первыми ученицами.

Была ночь. Царевич не мог найти успокоения на своем ложе. Встал и вышел в сад. Там он сел под большим бамбуковым деревом и предался размышлениям над жизнью и смертью, над бедствием разложения. Он сосредоточил свой ум и обрел ясность мышления, и полное спокойствие снизошло на него. Находясь в таком состоянии, умственный взор его открылся, и он увидел перед собой высокий и величавый облик Старца, исполненный спокойствия и достоинства.

«Откуда Ты и кто Ты?» – спросил царевич. В ответ Видение произнесло: «Я – шрамана. Угнетенный мыслью о старости, болезни и смерти, я покинул дом мой в поисках пути спасения. Все вещи устремляются к разложению, лишь Истина пребывает в вечности. Все подлежит изменению, и нет постоянства, но слова Будды остаются неизменными».

Сиддхарта спросил: «Можно ли обрести спокойствие в этом мире горя и страдания? Я подавлен пустотой земных удовольствий, и всякая чувственность мне ненавистна. Все угнетает меня, и само существование кажется невыносимым».

Шрамана отвечал: «Где есть зной, там есть и возможность холода. Существа, подверженные страданиям, обладают и способностью наслаждаться. Начало зла указывает, что и добро может быть развито. Ибо эти вещи – относительны. Там, где страдания велики, там и блаженство будет велико, если только ты откроешь глаза, чтобы увидеть. Как человек, упавший на кучу отбросов, должен найти ближайший пруд, покрытый лотосами, так же точно должен ты искать великое бессмертное озеро Нирваны, чтобы очистить скверну. Если озеро это не станет предметом искания, то вина не в озере. Так же, когда существует благословенный путь, ведущий человека, связанного грехом, к спасению в Нирване, вина не в тропе, но в человеке, если тропа эта остается в стороне. И когда человек, отягощенный недугом, не воспользуется помощью врача, который может исцелить его, вина не во враче. Так же точно, когда человек, обуянный желанием злобных поступков, не ищет духовного руководства Озарения, вина будет не в этом освобождающем от грехов руководстве».

Царевич внимал мудрым словам и сказал: «Я знаю, что достигну цели, но отец говорит, что я еще юн и пульс мой бьется слишком полнокровно, чтобы вести жизнь шрамана».

Величавый Старец отвечал: «Ты должен знать, что для поисков Истины время всегда благоприятно».

Трепет радости пронзил сердце Сиддхарты: «Именно теперь время искать Истину. Теперь время порвать все связи, которые могут воспрепятствовать мне достичь совершенного озарения».

Небесный Вестник выслушал с одобрением решение Сиддхарты: «Иди, Сиддхарта, и исполни свое назначение. Ибо ты – Бодхисаттва избранный Будда; тебе суждено просветить мир. Ты – Татхагата, Совершенный: ибо ты установишь праведность и станешь Дхармарадж, царем Истины. Ты – Бхагават, ты – Благословенный, ибо ты призван стать Спасителем и Искупителем мира.

Исполни совершенство Истины. И если даже молния обрушится на голову твою, не уступи прельщениям, уводящим людей с пути Истины. Как солнце во все времена следует своему пути и не ищет иного, так ты не покинешь тропы праведности, ты станешь Буддой.

Будь настойчив в исканиях твоих, и ты обретешь, что ищешь. Следуй твоей цели неотступно, и ты победишь. Благословение всех богов, всех ищущих свет будет над тобою, и небесная мудрость направит твои шаги. Ты будешь Буддой, ты просветишь мир и спасешь человечество от гибели».

Так сказав, Видение исчезло, а душа Сиддхарты была исполнена восторга. Он сказал себе:

«Я пробудился для Истины, и я решаю выполнить мое назначение. Я порву все связи, привязывающие меня к миру, и оставлю дом мой, чтобы найти путь спасения. Истинно, я стану Буддой».

Царевич вернулся во дворец, чтобы в последний раз взглянуть на тех, кого любил превыше всех земных сокровищ. Он направился в покои матери Рахулы и открыл дверь. Там горела лампа благовонного масла. На ложе, усыпанном жасмином, спала Яшодхара, положив руку на голову сына. Стоя на пороге, Бодхисаттва смотрел на них, и сердце его разрывалось от тоски. Боль разлуки пронзила его. Но ничего не могло поколебать его решения, и мужественным сердцем подавил он свои чувства и оторвался от самого ему дорогого.

Его конь Кантака был оседлан, и, найдя врата дворца широко открытыми, он направил коня в тишину ночи. Верный возница сопровождал его. Так царевич Сиддхарта отрекся от земных наслаждений, отказался от своего царства, порвал все связи и вступил на путь бездомия /2,3/.

До сих пор четыре места в Индии вызывают паломничество почитателей учения Будды. Место рождения – Капилавасту. Город этот, как уже было сказано, находился в Северной Индии, в предгорьях Гималаев, в верховьях реки Гондаки, и был разрушен еще при жизни Будды. Место озарения – Бодхи-Гайя, где находилась часто упоминаемая роща Урувела, под тенью которой Готама озаренно объединил все свои достижения. Место первой проповеди – Сарнат (около Бенареса), где, по выражению предания, Будда пустил в ход Колесо Закона. Место это до сих пор хранит развалины древнейших общежитий. Место смерти – Кушинагара (Непал).

В записках китайского путешественника Фа-Сяня (392-414), посетившего Индию, мы встречаем описания развалин владений Капилавасту, а также и прочих почитаемых мест.

Несмотря на эти факты, несмотря на древние колонны царя Ашоки, находятся любители сделать из Будды миф и оторвать это высокое учение от жизни. Француз Сенар в особой книге утверждает, что Будда есть солнечный миф. Но и тут наука восстановила человеческую личность Учителя Готамы Будды. Урна с частью золы и костей Будды, найденная в Пиправе (Непальский Тераи) и датированная надписью, а также историческая урна с частью реликвий Учителя, положенная царем Канишкой и найденная около Пешавара, свидетельствуют определенно о смерти Первоучителя Мировой Общины Готамы Будды.

Не нужно думать, что жизнь Готамы Будды протекала среди общего признания и спокойствия. Наоборот, сохранились данные, указывающие на клевету и всевозможные препятствия, на которых Учитель, как истинный борец, только укреплялся, тем увеличивая значение своего подвига. Многие данные говорят о той враждебности, которую он встречал среди аскетов и браминов, ненавидевших его. Первые за порицание их изуверства, вторые за отказ признать их права на социальные преимущества и на знание истины по праву рождения.

Первым он говорил: «Если бы можно было достичь совершенства и освобождения от уз, привязывающих человека к земле, только отказом от мясной пищи и человеческих условий, то слон и корова давно достигли бы его».

Вторым – «По делам человек становится парией, по делам становится брамином. Огонь, зажженный брамином, и огонь, зажженный шудрой, одинаково имеют пламя, яркость и свет. К чему привела ваша отделенность? За хлебом вы идете на общий базар и цените монеты из кошель шудры. Ваша отделенность просто называется грабежом. И священные вещи ваши просто орудия обмана.

Имущество богатого брамина не есть ли поношение Божественного Закона? Вы считаете юг светом, а север – тьмою. Будет время, когда приду от полуночи, и ваш свет померкнет. Даже птицы летят на север, чтобы там принести миру птенцов. Даже серые гуси знают

ценность имущества на земле. Но брамин пытается набить золотом пояс свой и набрать сокровища под порогом дома. Брамин, ты ведешь жалкую жизнь и конец твой будет жалким. Ты первый будешь подлежать уничтожению. Если уйду на север, то оттуда и вернусь». (Со слов устной традиции буддистов Индии).

Известны случаи, когда, после произнесения им речей, огромное большинство слушателей покинуло его, и Благословенный сказал: «Зерно отделилось от мякины; оставшаяся община, сильная убеждением, учреждена. Хорошо, что эти гордецы удалились».

Вспомним эпизод, когда его ближайший ученик и родственник Девадатта задумал сбросить обломок скалы на проходившего Учителя и даже успел повредить ему палец.

Вспомним жестокую судьбу, постигшую его племя и родину от мстительного царя. Легенды рассказывают, что Будда, находясь с любимым учеником Анандой недалеко от города в момент нападения на его страну, почувствовал жесточайшую головную боль, лег на землю и накрылся плащом, чтобы скрыть от единственного свидетеля скорбь, овладевшую его стоическим сердцем.

Также не был он лишен и физических страданий. Часто упоминаются испытываемые им жестокие боли в спине, и самая смерть его якобы произошла от недоброкачественной пищи. Все эти подробности делают его облик истинно человеческим и близким.

Слово «Будда» не есть имя, но означает состояние ума, достигшего высшей точки развития, в буквальном переводе «познавший», или тот, кто овладел совершенным знанием – мудростью.

Согласно Палийским Сутрам, Будда никогда не утверждал своего всезнания, которым наделили его ученики и последователи. «Те, кто сказали тебе, Вачча, что Учитель Готама знает все, видит все, утверждает свое обладание безграничной мощью провидения и знания и говорит: «Хожу ли я или недвижим, бодрствую или сплю, всегда и во всем присуще мне всезнание», – те люди не говорят, что я сказал, – они обвиняют меня, вопреки всякой истине».

Силы, которыми обладает Будда, не чудесны, ибо чудо есть нарушение законов природы. Высшая мощь Будды вполне согласуется с вечным порядком вещей. Его сверхчеловеческие способности «чудесны» настолько, насколько деятельность человека должна казаться чудесной низшим существам. Подвижникам, борцам истинного знания так же естественно выявлять свои необычные способности, как птице летать и рыбе плавать.

«Будда, – согласно одному тексту, – есть лишь старший из людей, отличающийся от них не более, нежели первый вылупившийся цыпленок от других цыплят одной наседки».

Знание подняло его в другую категорию существ, ибо принцип дифференциации заключен в глубине сознания.

Особенно подчеркивается человечность Готама Будды в древнейших писаниях, где встречаются выражения: «Готама Будда, этот совершеннейший из двуногих».

Палийские Сутры содержат много ярких определений высоких качеств Готама – Учителя, указавшего путь. Приведем некоторые из них: «Он – Водитель каравана, Он – Основатель, Он – Учитель, Он – несравненный Наставник людей. Человечество катилось подобно колесу повозки по пути гибели, заблудившееся без проводника и покровителя. Он указал им верный путь.

Он – Владыка Колеса Благого Закона. Он – Лев Закона» /5/.

«Он – чудесный Целитель, сострадательными средствами он излечивает опасно больных людей» /6/.

«Почитаемый Готама – Пахарь. Его пашня – бессмертие» /7/.

«Он – Свет Мира. Подобно подымающемуся с земли, подобно раскрывающему что скрыто, подобно несущему в темноте светильник, чтобы имеющие глаза могли видеть, – так Готама осветил свое Учение со всех сторон».

«Он – Освободитель. Он освобождает, ибо сам был освобожден». Его нравственные и духовные совершенства свидетельствуют истину его учения, и мощь его воздействия на окружающих заключалась в примере его личного труда.

Древние писания всегда подчеркивают жизненность его учения. Готама не отворачивался от жизни, но проникал во все будни трудящихся. Искал расположить их к учению, предоставлял им участие в своих общинах, принимал их приглашения и не боялся посещений куртизанок и раджей, двух центров светской жизни в городах Индии. Старался не оскорблять понапрасну традиционных обычаев; мало того, он искал возможность дать им свое учение, находя опору в особо почитаемой традиции, не поступая при этом основными принципами.

Не было отвлеченности в его учении, он никогда не противопоставлял существующей реальности идеал жизни мистической и трансцендентальной. Он подчеркивал реальность существующих вещей и условий для данного времени. И так как его деятельность и мысль преимущественно вращались в кругу жизненных условий, то и содержание своих речей и притч он черпал из обыденной жизни, пользуясь самыми простыми образами и сравнениями.

Исходя из представления параллелизма между природой и человеческой жизнью, индусские мыслители полагают, что явления природы могут нам многое пояснить в проявлениях нашей жизни. Будда, принимая этот метод счастливо сохранил для своего учения опыт старой традиции. «Я сделаю тебе сравнение, ибо многие разумные люди поняли посредством сравнения», – такова была обычная формула Будды. И этот простой, жизненный подход сообщал его учению яркость и убедительность.

Влияние его на людей было пропорционально его вере в себя, в свои силы и в свою миссию. Всегда входил он в положение каждого ученика и слушателя, давая им самое необходимое и сообразуясь с их пониманием. Не отягощал учеников и слушателей, не имевших необходимой подготовки к усвоению высшего знания, непосильным для них умственным процессом. Также не поощрял стремившихся к отвлеченному знанию и не применивших в жизни его высоко этическое учение. Когда один из подобных вопрошателей, по имени Малунка, спросил однажды Благословенного о начале всех вещей – Благословенный хранил молчание, ибо он считал, что наиглавнейшая задача была в утверждении реальности окружающего нас, то есть видеть вещи, как они существуют вокруг нас, и стараться прежде улучшить их, способствовать их эволюции и не тратить время на интеллектуальные спекуляции.

Несомненно, знание его превышало даваемое им Учение, но осторожность, подсказываемая великой мудростью, удерживала его от выдачи понятий, которые могли быть не усвоены сознанием слушателей и, по этой причине, стать разрушительными.

«Однажды Благословенный остановился в бамбуковой роще в Косамби. Взяв пригоршню листьев, Благословенный спросил учеников: «Как думаете, ученики мои, что больше: эта ли пригоршня листьев в моей руке или же листья, оставшиеся на деревьях этой рощи?»

«Листья в руке Благословенного малочисленны; несравненно число листьев во всей роще».

«Истинно так, и то, что я познал и не поведал вам, гораздо больше того, что я передал вам. И почему, о ученики, не поведал я этого вам? Потому, что не было бы пользы вам от того, ибо оно не способствовало бы высшей жизни. Оно не ведет к разочарованию в этом земном мире, к уничтожению всякой чувственности, к прекращению желаний, к миру, к высшему знанию, к пробуждению, к Нирване. Потому я и не передал этого вам. Но что же поведал я вам? То, что является страданием, источником страдания, прекращением страдания, и указал путь, ведущий к прекращению страдания».

И настолько учение его было индивидуально в каждом отдельном случае и практично, что установилась традиция трех кругов учения: для избранных, для общинников и для всех.

Основывая свои общины, Будда стремился создать наилучшие условия для тех, кто твердо решил работать над расширением своего сознания для достижения высшего знания, и затем посылал их в жизнь учителями жизни и провозвестниками мировой общины.

Постоянный контроль поступков, слов и мысли, который он требовал от своих учеников и без которого не может быть успеха на пути к совершенствованию, почти не доступен для находящихся в обычных условиях жизни, где тысячи внешних обстоятельств и мелких обязанностей постоянно отвлекают стремящегося к цели. Но жизнь среди людей, объединенных одним устремлением, общими мыслями и привычками, была великой помощью, ибо давала возможность без потери энергии развиваться в желаемом направлении.

Будда, учивший, что во всем мире существует лишь корреляты, взаимоотношения; знавший, что ничто не существует вне сотрудничества; понимавший, что эгоистический гордец не может строить будущее, ибо, в силу космического закона, он окажется вне потока жизни, несущего все сущее к совершенствованию, – терпеливо закладывал зерна, учреждая свои ячейки общинного начала, предвидя в далеком будущем осуществление великой Мировой Общины.

Два правила были необходимы для поступления в общину: полный отказ от личной собственности и нравственная чистота. Остальные правила касались суровой самодисциплины и общинных обязанностей. Каждый вступивший в общину произносил формулу: «Прибегаю к Будде, прибегаю к Учению, прибегаю к общине, как к разрушителям моих страхов. Первый своим Учением, второе своей непреложной истиной и третья примером прекрасного закона, преподанного Буддой».

Сурово проводился отказ от собственности. Причем отказ от собственности нужно было выявить не столько внешне, сколько принять его сознанием.

Однажды ученик спросил Благословенного: «Как понять исполнение заповеди отказа от собственности? Один ученик покинул все вещи, но Учитель продолжал упрекать его в собственности. Другой остался в окружении вещей, но не заслужил упрека».

«Чувство собственности измеряется не вещами, но мыслями. Можно иметь вещи и не быть собственником».

Будда постоянно советовал иметь возможно меньше вещей, чтобы не отдавать им слишком много времени.

Вся жизнь общины была строго дисциплинирована, ибо основой Учения Будды была железная самодисциплина для обуздания беспорядочных чувств, мыслей и развития непоколебимой воли. И только когда ученик овладевал своими чувствованиями, только тогда Учитель приоткрывал завесу и давал задачу. Затем уже ученик постепенно допускался к глубинам знания. Из таких дисциплинированных и воспитанных на суровом отказе от всего личного, следовательно мужественных и бесстрашных людей, хотел Готама Будда создать работников общего блага, творцов народного сознания и провозвестников Мировой Общины.

Мужество в учении Готамы было положено в основу всех достижений. «Нет истинного сострадания без мужества; без мужества нельзя достичь самодисциплины: терпение есть мужество; без мужества нельзя проникнуть вглубь истинного знания и обрести мудрость Архата». «Готама требовал от своих учеников полного уничтожения страха. Заповедано бесстрашие мысли, бесстрашие действия. Само прозвище Готамы Будды – «Лев» и его личные призывы идти через все препятствия, как носороги и слоны, показывают, какая глубина бесстрашия была заповедана им. И потому учение Готамы Будды можно, прежде всего, назвать учением бесстрашия.

«Воины, воины, так зовем мы себя, о ученики,
ибо мы сражаемся.

Мы сражаемся за благородную доблесть, за высокие стремления, за высшую мудрость, Потому зовем мы себя воинами» /7/

Согласно традиции открытием «Цепи Причинности» (двенадцать Нидан) ознаменовалось достижение Готамою озарения. Проблема, мучившая его многие годы, нашла разрешение. Размышляя от причины к причине, Готама дошел до источника зла:

12. Существование есть страдание, ибо в нем заключены старость, смерть и тысяча страданий.

11. Я страдаю, потому что я рожден.

10. Я рожден, потому что принадлежу миру бытия.

9. Я рождаюсь, потому что я питаю в себе существование.

8. Я питаю его, ибо я имею желания.

7. У меня есть желания, ибо я имею чувствования.

6. Я чувствую, ибо я соприкасаюсь с внешним миром.

5. Это соприкосновение производится действием моих шести чувств.

4. Мои чувства проявляются, ибо, будучи личностью, я противопоставляю себя безличному.

3. Я – личность, ибо я имею сознание, пропитанное сознанием этой личности.

2. Это сознание создалось вследствие моих прежних существований.

1. Эти существования омрачили мое сознание, ибо я не знал. Принято эту двенадцатиричную формулу перечислять в обратном порядке:

1. Авидья (омраченность, невежество).

2. Самскара (карма).

3. Вижнана (сознание).

4. Кама – рупа (форма, чувственное и не чувственное).

5. Шад-аятана (шесть трансцендентальных основ чувств).

6. Спарша (соприкосновение).

7. Ведана (чувствование).

8. Тришна (жажда, вожделение).

9. Упадана (влечение, привязанности).

10. Бхава (бытие).

11. Джати (рождение).

12. Джара (старость, смерть).

Итак, источник и первопричина всех бедствий человечества в омраченности, в невежестве. Отсюда яркие определения и осуждения Готамою именно невежества. Он утверждал, что невежество есть величайшее преступление, ибо оно является причиной всех человеческих страданий, заставляя нас ценить то, что недостойно быть ценным, страдать там, где не должно быть страдания, и, принимая иллюзию за реальность, проводить нашу жизнь в погоне за ничтожными ценностями, пренебрегая тем, что в действительности является наиболее ценным, – знанием тайны человеческого бытия и судьбы.

Свет, который мог рассеять эту тьму и избавить от страдания, был явлен Готамою Буддою как знание четырех благородных истин:

1. Страдания воплощенного бытия, истекающие из постоянно возобновляющихся рождений и смертей.

2. Причина этих страданий в омраченности, в жажде самоудовлетворения в земных присвоениях, влекущих за собою непрекращаемость повторного, несовершенного бытия.

3. Прекращение страданий заключается в достижении состояния просветленного вмещения и тем самым создании возможности сознательного приостановления кругов бытия на Земле.

4. Путь к прекращению этих страданий состоит в постепенном усилении элементов, направленных на совершенствование для уничтожения причин бытия на Земле и приближения к великой Истине.

Путь к этой Истине разделен был Готамой на восемь ступеней:

1. Правильное распознавание (что касается закона причинности).
2. Правильное мышление.
3. Правильная речь.
4. Правильное действие.
5. Правильная жизнь.
6. Правильный труд.
7. Правильная бдительность и самодисциплина.
8. Правильное сосредоточение.

Человек, проводящий в жизни эти положения, освобождается от страданий земного бытия, являющихся следствием невежества, желаний и вожделений. Когда это освобождение осуществлено, достигается Нирвана.

Что есть Нирвана? «Нирвана есть качество вмещения всех действий, насыщенность всеобъемлемости. Трепетом озаренности притекают истинные знания. Спокойствие есть лишь внешний признак, не выражающий сущность состояния». Согласно современному нам пониманию, Нирвану можно определить как состояние совершенства всех элементов и энергий индивидуальности, достигших наивысшей интенсивности, доступной в данном космическом цикле.

Готамой Буддой также указаны десять великих препятствий, названных оковами:

1. Иллюзия личности.
2. Сомнение.
3. Суеверие.
4. Телесные страсти.
5. Ненависть.
6. Привязанность к Земле.
7. Желание наслаждения и успокоения.
8. Гордость.
9. Самодовольство.
10. Невежество.

Для достижения высшего знания необходимо порвать все эти оковы.

В буддизме разработаны до мельчайших деталей подразделения чувств и побуждений умственного процесса, как препятствий и способов развития для облегчения самопознания путем тренировки ума и размышления над каждым предметом во всех деталях. Следуя этим путем самопознания, человек, в конечном результате, приходит в знание истинной действительности, то есть видит истину, как она есть. Это есть метод, применяемый каждым мудрым учителем для развития умственных способностей ученика.

Проповедуя четыре благородные истины и благородный Путь, Готама, с одной стороны, порицал физическое умерщвление плоти аскетами и распущенность чувств, с другой – указывал на Путь восьми ступеней как на путь гармонизации чувств и достижения шести совершенств Архата: сострадания, нравственности, терпения, мужества, сосредоточения и мудрости.

Будда особенно настаивал на вмещении учениками понятия пар противоположений, или двух крайностей, ибо познание действительности достигается лишь путем сопоставления пар противоположностей. Если ученик не мог осилить этого, Будда не приобщал его к дальнейшему знанию, ибо это было бы не только бесполезно, но даже вредно. Вмещение этого понятия облегчалось усвоением принципа относительности. Будда утверждал

относительность всего сущего, указывая на вечные изменения в природе, на непостоянство всего в вечно стремящемся к совершенствованию потоке бытия беспредельного. Насколько он был верен этому принципу относительности, можно видеть из следующей притчи.

«Представьте себе, – сказал Благословенный однажды своим последователям, – человека, отправившегося в дальний путь, и который был остановлен широким разливом воды. Ближайшая сторона этого потока была полна опасностей и угрожала ему гибелью, но дальняя была прочна и свободна от опасностей. Не было ни челна, чтобы переехать поток, ни моста, перекинутого на противоположный берег. И представьте себе, что этот человек сказал себе: «Истинно, стремителен и широк этот поток, и нет никаких средств, чтобы перебраться на другой берег (Нирвана). Но если я соберу достаточно тростника, ветвей и листьев и построю из них плот, то, поддерживаемый таким плотом и работая усердно руками и ногами, я переберусь в безопасности на противоположный берег». Теперь предположим, что этот человек поступил согласно своему намерению и, построив плот, спустил его на воду и, работая ногами и руками, безопасно добрался до противоположного берега.

И вот, перебравшись и достигнув противоположного берега, предположим что человек этот скажет себе: «Истинно, большую пользу сослужил мне этот плот, ибо с его помощью, работая руками и ногами, я безопасно перебрался на этот берег. Предположим, что я взвалю плот себе на голову или плечи и так продолжу мой путь!»

Сделав так, правильно ли поступит человек со своим плотом? Как думаете вы, ученики мои?

В чем же будет правильное отношение человека к его плоту? Истинно, этот человек должен сказать себе: «Плот этот сослужил мне большую пользу, ибо, поддерживаемый им и работая ногами и руками, я безопасно достиг дальнего берега (Нирваны). Но предположим, что я оставлю его на берегу и продолжу свой путь!» – Истинно, этот человек поступил бы правильно по отношению к своему плоту.

Точно так же, о ученики, предлагаю и я вам мое Учение именно как средство к освобождению и достижению, но не как постоянную собственность. Усвойте эту аналогию Учения с плотом. Дхамма (учение) должна быть оставлена вами, когда вы переберетесь на берег Нирваны».

Здесь мы видим, как мало значения придавалось Благословенным всему в этом мире относительности, иллюзии, или Майи. Именно все, даже учение самого Будды, рассматривалось как имеющее условную, преходящую и относительную ценность. Также в этой притче подчеркивается, что все достигается лишь человеческими руками и ногами. Именно, учение будет действенным, лишь если личные усилия и личный труд будут положены.

Общины Будды давали приют самым разнообразным запросам и потому составлялись из самых различных элементов. В МИЛИНДА-ПАНХА мы встречаем следующие строки: «Какие причины заставляют поступать в общину?» – спросил однажды Милинда своего собеседника, буддийского учителя Нагасену. На этот вопрос мудрец ответил: «Одни сделались общинниками, чтобы избежать тирании царя, другие спасались от разбойников или же были обременены долгами, есть и такие, которые просто хотели обеспечить свое существование».

Если некоторые люди, поступая в общину, искали социального и материального преимущества, то гораздо многочисленнее были истинные социальные революционеры, стекавшиеся под широкий кров возможностей, которые давало им учение Будды среди мрачной феодальной действительности того времени. В СУТТА-НИПАТА можно найти

много суровых осуждений социальному построению и общественной нравственности того времени.

Община принимала всех без различия рас, каст и пола; и самые различные стремления и поиски новых путей находили в ней удовлетворение.

Общины Будды не были монастырями, и вступления в них не были посвящениями, ибо, по словам Учителя, лишь осознание учения делало из вошедшего буддиста нового человека и общинника.

В общине проводилось полное равенство всех членов. Один общинник отличался от другого лишь сроком своего вступления. При выборе старшего возраст не принимался в соображение. Старшинство не измерялось сединой. О том, у кого все достоинство заключалось лишь в преклонном возрасте, говорилось, что он «тщетно стар». Но «тот, в ком говорит справедливость, кто умеет владеть собою, кто мудр, тот есть старший» /8/.

Будда не принуждал жить в тесном общежитии. С самого начала среди учеников были предпочитавшие жизнь в уединении. О таких, слишком уединяющихся, Будда говорил: «Одинокая жизнь в лесу полезна для того, кто следует ей, но она мало способствует благу людей».

Будда не хотел устанавливать слишком много правил, он стремился избежать педантичности и однообразия уставов, избежать сделать обязательными многие запрещения. Все правила стремились оградить и сохранить полную самостоятельность ученика. Общинник обязан был соблюдать простоту и пристойность, но так как нет преимущества в том, чем питаться или во что одеться, то Будда предоставил ученикам известную свободу. Побуждаемые Девадаттою, несколько общинников просили Будду установить для учеников более строгую дисциплину и в питании запретить употребление мяса и рыбы. Будда отказал в этой просьбе, сказав, что каждый свободен применять эти меры на себе, но нельзя вменять их в обязательство для всех. Та же терпимость в одежде, ибо недопустимо, чтобы свобода выродилась в привилегию для некоторых. Так, убедясь в мудрости почтенного Соны и увидя его окровавленные ноги, Благословенный сказал ему: «Сона, ты был воспитан в утонченности, я приказываю тебе носить сапоги на подошве». Сона просил, чтобы это решение распространилось на всех общинников, и Благословенный поспешил исполнить это желание» /9/.

Также и в текстах винаи мы видим, как все правила общины, учрежденной Благословенным, всегда были подсказаны жизненной необходимостью. В винае приводится трогательный эпизод, послуживший основанием новому правилу для общины.

Один бикшу заболел расстройством кишечника и, обессиленный, упал и лежал на земле в своей грязи. Случилось, что Благословенный в сопровождении высокочтимого Ананды обходил кельи общинников. Зайдя в келью больного бикшу и увидя его в таком беспомощном состоянии, он подошел к нему и спросил:

- Что с тобою, бикшу, ты болен?
- Да, Владыка.
- Но разве нет никого, кто помог бы тебе?
- Нет, Владыка.
- Почему же остальные бикшу не ухаживают за тобою?
- Потому, Владыка, что сейчас им нет никакой пользы от меня.

На это Благословенный обратился к Ананде: «Иди, Ананда, и принеси воды, мы умоем этого бикшу».

«Да, Владыка», – ответил Ананда и принес воды. Тогда Благословенный начал лить воду, а почитаемый Ананда умыл больного. После чего Благословенный взял больного под голову и Ананда за ноги, так подняли его и положили на постель.

В связи с этим случаем Благословенный созвал общинников и спросил их: «Бикшу, находится ли в какой-то келье больной общинник?»

- Да, Владыка.

- Чем же болен этот бикшу?

- Он болен расстройством кишечника, Владыка.

- Разве нет никого, кто присмотрел бы за ним?

- Нет, Владыка.

- Но почему же никто из бикшу не помог ему? Бикшу, вы не имеете ни отцов, ни матерей, которые могли бы ухаживать за вами. Если вы, бикшу, не будете ухаживать друг за другом, то кто же поможет вам? Тот, кто хочет прислуживать мне, должен прислуживать больным.

«Кто имеет наставника, наставник должен ухаживать за ним, пока он не выздоровеет, и так же точно, если он имеет учителя или соученика в той же вихаре, или же ученика, живущего с ним. Если же он не имеет ни одного из поименованных, то вся община должна ухаживать за ним. И кто не исполнит сие, тот будет повинен в проступке против общины».

Нелюбовь Учителя к установлению многочисленных, неподвижных правил, в особенности же запрещений, и желание сохранить жизненность общины ярко выражены в его последующем наставлении ученику Ананде: «Поручаю общине видоизменять правила малые и малейшие».

Но многие слабые души спокойнее, если их обязанности строго определены, отсюда увеличение правил и запрещений в позднейшем буддизме. Много легче подчиняться правилам, хотя бы даже и стеснительным, нежели проявлять личную сознательную энергию, которую требовал Учитель от своих учеников. Община Будды стремилась не обезличить своих членов, но дружественно спаять их единым устремлением на общее благо.

Община не желала сглаживать индивидуальные особенности, наоборот, Будда ценил каждую инициативу, каждое индивидуальное проявление, ибо в Учении, которое утверждало, что каждый является своим творцом и освободителем и что необходимы совершенно личные усилия для достижения этой высокой цели, индивидуальное начало имело все данные для развития. «Избегайте ссор, утверждаясь в самом себе, не исключая других», – было принято за правило в общине.

И так мало боялся буддизм индивидуальных проявлений, что часто вдохновенные слова одного из членов общины принимались и становились каноническими наравне с утверждениями самого Благословенного.

Суровая дисциплина, постоянная бдительность над мыслями, словами и поступками делали общину школой, столько же воспитательной, как и образовательной. Учитель, утвердивший знание единственной возможностью освобождения от оков земли, а невежество самым тяжким преступлением, заповедал всем идти путем знания.

Наряду с осуждением невежества мы встречаем столь же суровое осуждение и легкомыслия:

«Глупец, невежда – наибольшие враги самим себе, ибо они совершают злые поступки, приносящие горькие плоды».

«Глупец может быть спутником мудрого в течение всей своей жизни, и все же он останется в неведении Истины, подобно тому, как ложка не знает вкуса похлебки».

«Длинна ночь для сторожа, длинен путь усталому. Длинно вращение колеса жизни и смертей для глупцов, не знающих Истины».

Особенно часто указывал он людям семейным учить детей своих всем наукам и искусствам и тем способствовать росту и расширению их сознания. Также постоянно указывал он на насущную необходимость путешествий. Он видел в этом истинную просветительную цель, ибо путешествия, отрывая человека от обычных условий, развивают в

нем подвижность, находчивость и приспособляемость – качества, необходимые для подготовки процесса расширения сознания.

Учение Благословенного настаивало на достоверности, но нет в нем догм, которые предлагались бы на веру, ибо Учитель, утверждая во всем знание, не видел пользы в слепой вере для развития сознания. «Поэтому я учил вас, – говорил Будда, – не верить только потому, что вы слышали, но только тогда, когда это проверено и принято вашим сознанием».

В беседе с одним молодым брамином Благословенный указал, каким образом достойный ученик доходит до овладения истиной: «Когда, после зрелого обсуждения, ученик признал, что данный человек совершенно свободен от заблуждений, он верит этому человеку. Приближаясь к нему с доверием, он становится его учеником. Став его учеником, он открывает ухо. Открыв ухо, он слышит учение. Услышав учение, он удерживает его в уме. Он обсуждает смысл истин, им удержанных. Он размышляет над ними. Отсюда рождается его решимость. Что он решил, то он и предпринял. Он оценивает значение предпринятого. Оценив, он прилагает все усилия. Приложенными усилиями он приближается к истине. Проникая вглубь ее, он видит. Но все это лишь признание истины, но не овладение ею. Чтобы вполне овладеть ею, нужно применять и неустанно повторять этот психологический процесс» /4/.

Из этой беседы ясно, насколько ученик был свободен обсуждать преподанное ему учение, и что лишь самостоятельными усилиями достигается познание и овладение истиной.

Учение Будды, как учение истины, покрывало все бывшие до него великие учения, и потому, подчеркивая их истинность, оно изгоняло отрицание. Изгоняя отрицание, учение никого не порабощало. Осознание великого принципа общины открывало все пути.

В общинах Будды допускался отказ, но лично осознанный; но отрицание приравнивалось к невежеству. У общины Будды можно было отказаться от мелких соображений, но отрицание равнялось выходу из общины. Было принято никогда не поминать выбывшего – община должна была жить будущим. К тому же часто выбывший возвращался; тогда возвращение не сопровождалось никакими вопросами, кроме одного: «Не отрицаешь?»

В начале учения дисциплина касалась главным образом очищения сердца и ума от предрассудков и дурных свойств. По мере успешности учение переносилось на расширение сознания.

Трудно подняться одному человеку, если он не прошел суровый путь очищения. «Если материя загрязнена, то сколько бы красильщик не погружал ее в синюю, желтую, красную или лиловую краску, цвет ее будет некрасивым и нечистым – почему? Вследствие загрязненности материи. Если сердце нечисто, нужно ожидать такой же грустный результат».

«Я говорю – недостаточно носить плащ, чтобы быть подвижником. Недостаточно быть голым, покрытым грязью, обрызганным водой, сидеть под деревом, жить в одиночестве, стоять в одном положении, морить себя голодом, повторять мантры и заплетать волосы» /4/.

«Человек не нищий потому только, что он питается подаянием» /8/.

«Человек не аскет потому только, что он живет в лесу» /5/.

«Не достоин желтого одеяния, кто носит его, будучи нечист и неискренен в поступках, невежествен и не победивший самого себя» /8/.

«Из трех видов действия, – говорил Будда, – наиболее губительное не слово, не телесный поступок, но мысль» /4/. С момента возникновения решения зла человек уже виновен – выявлено ли оно или нет.

«Главный элемент во всем есть мысль. Превыше всего – мысль. Все совершается мыслью. Если человек говорит или действует со злобной мыслью, страдание сопутствует ему, как колесо следует за копытом животного, которое тащит повозку».

«Если человек говорит или действует с благою мыслью, счастье следует за ним, как никогда не покидающая тень его».

«Враг наносит зло врагу, ненавидящий ненавидящему, но хуже всего зло, нанесенное ложно направленным умом» /8/.

Также и бдительность над своими мыслями особенно настойчиво указывалась Учителем, ибо если ученик, слишком уверенный в достигнутых им результатах, ослабит свою бдительность, он дорого заплатит за малейшее упущение. Этот совет преподан притчей: «Человек был ранен отравленной стрелой. Доктор, вынув стрелу, предписал раненному внимательно следить за раной. Но больной вообразил, что ему более нечего опасаться. Лишенная ухода, рана воспалилась и причинила смерть и тяжкие страдания» /4/.

«Бдительность есть путь к бессмертию. Нерадивость – путь к смерти. Тот, кто бдителен, не умирает. Тот, кто нерадив, уподобляется мертвому».

«Тот, кто непостоянен в мыслях, кто не ведает истинного закона, кто шаток в доверии, тот не познает полноту мудрости».

«Как лучник выпрямляет свою стрелу, так мудрый человек выправляет свой изменчивый и шаткий ум, который трудно охранить, которым трудно руководить».

«Как дождь протекает в дом через плохо крытую крышу, так и вождение проникает в плохо обузданный ум».

«Большие и малые оковы у бикшу, любящего бдительность и страшщегося нерадивости, – сожжены. Он движется подобно огню» /8/.

Указывая, как безумно, с точки зрения полезности, уступать низким наклонностям, Будда говорил: «Чувство, ради которого вы унизили себя, скоро будет для вас лишь воспоминанием, подобно удовольствию, испытанному во сне. Но то, что останется постоянным, живым укором, – это поступок, содеянный ради этого удовольствия» /6/.

«Чистая нравственность, как надутый кожаный мешок, повреди ее однажды – погибнет. Подобно тому, если однажды удовлетворить порочные наклонности, уже ничто не остановит стремление страстей, и человек представленный самому себе, безвозвратно погибнет».

«Орошатели отводят воду, куда хотят; лучники выправляют стрелу; плотники сгибают дерево по своему усмотрению; мудрые гнут самих себя!» /8/.

В писаниях не встречаем никакого различия между членами общины – общественные деятели, семейные, безбрачные, и мужчины, и женщины – все одинаково могут воспринять преподаваемую им истину.

Прием в общину не сопровождался никакими обетами. Приходящий лишь приносил готовность служить учению. Когда же эта готовность исчезала, ничто не связывало его оставаться в общине. Выход из общины был так прост, как прием. Многочисленны примеры людей, оставлявших общину и возвращавшихся позднее.

Нельзя было исключать члена общины только потому, что кто-то не был согласен с ним в оценке его поступка. Изгнать его означало бы дать свободу потоку ярых слов и разъединению в общине. «Общинник не будет доносить то, что он слышал на разъединение других, но будет сближать их, произнося лишь слова согласия» /1/.

«Никогда ненависть не уничтожалась ненавистью, лишь доброта прекращала ее, таков вечный закон».

«Он оскорбил меня, он отяготил меня, он злоупотребил своею силою, он обокрал меня; в тех, кто питает подобные мысли, гнев никогда не будет утешен».

«Если человек обсуждает недостатки ближних и всегда склонен к обидам, его собственные страсти будут расти, и он далек от уничтожения страстей» /8/.

«Есть такие, которые не знают о необходимости самообуздания; если они сварливы, мы можем извинить их поведение. Но те, кто знает, должны научиться жить в согласии».

«Если человек найдет мудрого друга, ведущего праведную жизнь, постоянного по природе своей, он может жить при нем счастливый и заботливый, преодолевая все опасности. Но с глупцами не может быть дружбы. Лучше человеку быть одному, чем жить с людьми, преисполненными самости, тщеславия, упрямства и преданными спорам» /9/.

Руководствуясь целесообразностью во всем, Будда не стремился к систематизации учения. Он хотел, чтобы каждое положение его учения действовало как можно сильнее на волю ученика. Имея целью лишь рост и развитие сознания, он в остальном предоставлял свободу мысли и действия. Будда назначал каждому индивидуальную дисциплину.

«Как Будда избирал учеников на подвиг? Среди занятий, когда утомление уже овладевало учениками, Будда предлагал самый неожиданный вопрос и ждал скорейшего ответа.

Или, поставив самый простой предмет, предлагал описать его не более, чем тремя словами, или не менее, чем сотнею страниц.

Или, поставив ученика перед запертой дверью, спрашивал: «Чем откроешь ее?»

Или посылал музыкантов под окно и заставлял петь гимны совершенно противоположных содержаниям.

Или, заметив докучливую муху, предлагал ученику повторить слова, неожиданно сказанные.

Или, проходя перед учениками, спрашивал: «Сколько раз прошел?» Или, заметив боязнь перед животными или перед явлениями природы, ставил условием побороть.

Так мощный Лев закалял клинок духа».

«Также не следует забывать любимую игру Будды с учениками в минуту отдыха, когда Учитель бросал в пространство одно слово, по которому ученики строили целую мысль. Нет более мудрого испытания состояния сознания». (Записано со слов устной традиции индусского буддизма).

Будда истинным знанием, твердым осознанием изменчивости всего существующего закалял своих учеников, вооружал их мужеством, терпением и состраданием, готовил истинных борцов общего блага.

В древнейших писаниях особенно многочисленны примеры полного презрения к тому, что делает жизнь легкой и условно приятной.

«Отказ от всего личного рождает чувство истинной свободы, от свободы рождается радость, от радости – удовлетворение, от удовлетворения – чувство покоя и счастья».

Будда нашел путь к сердцам людей не путем чудес, но практическим учением улучшения жизни каждого дня и личным примером великого сотрудничества.

И так велики были его терпимость и желание тесного сотрудничества с людьми, что он никогда не говорил против обрядов их или верований. «Почитай свою веру и не хули веру других», – одна из аксиом буддизма. Во всех случаях он не обращал внимания на внешние формы и стремился дать им более широкое понимание внутреннего смысла, объясняя все с новой точки зрения.

«Однажды Благословенный, на пути к бамбуковой роще, вблизи Раждагрихи, где он пребывал тогда с учениками, повстречал одного домохозяина по имени Шригала, который, в мокрой одежде, с распущенными волосами и со сложенными руками кланялся на все четыре стороны света, а также по направлению к зениту и к надиру. Благословенный, зная, что он исполнял обряд, по традиционному религиозному суеверию долженствующий отвратить несчастья от его дома, спросил Шригалу: «Почему совершаешь ты этот странный обряд?»

Шригала ответил: «Ты считаешь странным, что я охраняю мой дом от влияния злых духов? Я знаю, что Ты, о Готама Шакьямуни, кого люди называют Татхагата, Благословенным Буддой, считаешь, что вызывания бесполезны и не обладают никакой спасительной силой.

Но выслушай меня и узнай, что, совершая этот обряд, я почитаю, уважаю и исполняю завет моего отца».

Тогда Татхагата сказал: «Ты поступаешь хорошо, о Шригала, что почитаешь, уважаешь и исполняешь завет твоего отца; и твой долг охранять твой дом, твою жену, твоих детей и детей твоих детей от пагубных влияний злобных духов. Я не вижу ничего плохого в совершении обряда, завещанного твоим отцом. Но я вижу, что ты не понимаешь обряда. Позволь Татхагате, который сейчас говорит с тобою, как духовный отец, и кто любит тебя не меньше, чем любили тебя твои родители, позволь ему объяснить тебе смысл этих шести направлений.

Чтобы охранить твой дом, этих обрядов недостаточно. Ты должен охранить его добрыми поступками по отношению к окружающим людям. Обратись к твоим родителям на восток, к твоим Учителям на юг, к твоей жене и детям на запад и к твоим друзьям на север и точно установи зенит твоих благочестивых почитаний и надир отношений к твоим лугам.

Такого благочестия хочет твой отец от тебя. Пусть совершение обряда напомнит тебе о твоих обязанностях».

И Шригала посмотрел на Благословенного с великим почтением, как на своего отца, и сказал: «Истинно, Готама, Ты Будда, Благословенный и Святой Учитель. Я никогда не понимал, что я делал, но теперь я знаю. Ты мне открыл истину, которая была сокрыта, как тот, что приносит лампаду в темноту. Прибегаю к Тебе, Благословенному Учителю, достигшему озарения, прибегаю к Истине, дающей просветление, прибегаю к убежищу братьев» /10/.

С самого начала своей наставнической деятельности он убедился, насколько сказанное к месту и ко времени слово убедительней всяких чудес для психического воздействия на человека и обновления его. Он строго завещал своим ученикам не обнаруживать приобретенных ими способностей «чудесных» сил перед теми, кто не знаком с принципами, заложенными в них. Помимо того, подобные выявления вредны для самого обладателя, вздергивая его над окружающими и порождая в нем гордость.

Принятый ученик не должен был похвально свержчеловеческим совершенством. Ученик, который с дурным намерением и толкаемый корыстолюбием похвалялся свержчеловеческим совершенством, будь то небесные видения или чудеса, не мог оставаться в числе учеников Шакьямуни. «Я запрещаю вам, о бикшу, пользоваться какими бы то ни было чарами и вызываниями, они бесполезны, ибо карма управляет всем. Тот, кто стремится совершать чудеса, тот не понял учение Татхагаты» /11/.

Слово и мощь убеждения были единственным оружием, применяемым Учителем для воздействия на окружающих. Никогда и нигде не встречаем мы гнева или даже возмущения, но лишь суровое утверждение истины. «Благословенный совершенен в вежливости своей речи», – указывает ученик Шарипутра.

«Подобно тому, как земля без отвращения и удовольствия терпеливо переносит все вещи, чистые и нечистые, бросаемые на нее, подобно Будда, не будучи затронут, переносит почет и презрение людей. Подобно воде, очищающей и освежающей без различия всех людей, будут ли они справедливы или злы, Будда отдает свое сострадание врагам и друзьям» /3/.

Многочисленны посещения и беседы Будды со своими слушателями о том, что их непосредственно касается, и всесторонние обсуждения их обязанностей по отношению к семье и общественности. Его отличие от других учителей и величайшая заслуга в том, что он, рассматривая долг человека с точки зрения жизненной полезности, старался приложить утонченные и возвышенные чувства к практической жизни.

Эта жизненная, практическая сторона учения прекрасно выражена в ответе Благословенного, данном им Анатхапиндике, человеку несметного богатства, прозванному «покровителем сирот и других бедных», который пришел к нему за советом.

Услышав, что Будда остановился в бамбуковой роще вблизи Раджагрихи, Анатхапиндика немедленно, в ту же ночь, отправился к нему. Благословенный тотчас же прозрел чистоту сердца Анатхапиндика и приветствовал его благостными словами.

Анатхапиндика сказал: «Я вижу, что Ты – Будда, Благословенный, и хочу открыть Тебе мое сердце. Выслушай меня и посоветуй, как мне поступить. Моя жизнь полна трудов, и я приобрел большое богатство, я окружен заботами. Тем не менее, я люблю свое дело и прилежу ему со всем усердием моим. Много людей работает у меня, и благосостояние их зависит от успеха моих предприятий.

Но я услышал, как Твои ученики восхваляют блаженство и радость жизни отшельника и осуждают суету мирскую. «Благословенный, – говорят они, – отказался от своего царства и своего достоинства и нашел путь праведный и тем самым подал пример всему миру, как достичь Нирваны».

Сердце мое жаждет поступать справедливо и стать благословением для всех моих ближних. Потому я хочу спросить Тебя, должен ли я отказаться от моего богатства, моего дома и моих дел и, подобно Тебе, избрать бездомие, чтобы достичь благодати и праведной жизни?»

И Будда отвечал: «Благодать праведной жизни достигается каждым, кто следует благородному Пути восьми ступеней. Тот, кто привязан к богатству, пусть лучше оставит его, нежели позволит отравить им свое сердце; но тот, кто не привязан к богатству и кто, обладая им, праведно употребляет его, будет благословением своим ближним.

Я говорю тебе, сохрани свое положение в жизни и еще усерднее приложи свое умение к делам твоим. Не жизнь, и не богатство, и не власть делают из человека раба, но лишь его привязанность к жизни, богатству и власти.

Бикшу, уходящий из мира, чтобы вести жизнь беззаботную и бездеятельную, ничего не достигает. Ибо жизнь в лени есть отвращение, и немощь силы должна быть презираема. Учение Татхагаты не требует, чтобы человек непременно избрал бездомие или же отрекся от мира конечно, если только он не чувствует к этому призвания. Но Дхарма Татхагаты требует, чтобы каждый человек освободился от иллюзии самости, очистил свое сердце и отказался от жажды к наслаждениям и вел праведную жизнь.

И что бы человек ни делал – будет ли он ремесленником, купцом или воином или удалится от мира и посвятит себя молитвенному созерцанию, пусть он вложит все свое сердце и прилежание в свою работу, пусть он будет усердным и деятельным. И если он будет как лотос, который растет в воде и, тем не менее, остается нетронутым ею, если он будет биться в жизни, не питая зависимости и ненависти, если он будет вести жизнь не для услаждения самости, но лишь для истины, тогда радость, мир и благодать, несомненно, пребудут в сознании его» /11/.

Столь же жизненны и практичны прекрасные ответы Благословенного на вопросы воина по имени Синха.

«В то время многие видные горожане собрались в зале заседаний и всячески восхваляли Будду, Дхарму и Общину. Среди них находился и Синха, главнокомандующий, последователь секты нигантха. И Синха подумал: «Воистину, должно быть Благословенный – Будда, Святой. Пойду и встречу с ним».

И Синха, генерал, направился туда, где пребывал глава нигантхов Натапутта, и, приблизившись к нему, сказал: «Владыка, я хочу посетить самана Готаму». (Самана с пали то же, что шрамана с санскрита).

Натапутта ответил: «О Синха, ты веришь в то, что всякое действие имеет последствие, отвечающее нравственным достоинствам этого действия. Зачем тебе посещать самана Готаму, который отрицает последствия действий? Самана Готаму, о Синха, отрицает последствия действий; он учит доктрине недеяния; и в этом учении он наставляет своих последователей».

Тогда желание посетить Благословенного, возникшее у Синхи, генерала, утихло.

Услышав вновь восхваление Будде, Дхарме и Общине, Синха обратился к главе нигатов во второй раз; и вновь Натапутта отговорил его.

Когда генерал в третий раз услышал, как видные горожане превозносили достоинства Будды, Дхармы и Общины, он подумал: «Воистину должно быть, самана Готама – Святой Будда. Что мне нигантхи и их согласие или несогласие? Пойду, не испрашивая их разрешения, и встречу с ним, Благословенным, Святым Буддой».

И Синха, генерал, обратился к Благословенному со словами: «Я слышал, Владыка, что самана Готама отрицает последствия действий, учит доктрине недеяния и говорит, что действия живых существ не получают своего воздаяния, ибо он учит уничтожению и презренности всего; и в этой доктрине он наставляет своих последователей. Учишь ли ты уничтожению души и сожжению человеческого существа? Прошу, скажи мне, Владыка: те, кто утверждают это, говорят ли они истину или же свидетельствуют ложно против Благословенного, выдавая поддельное учение за твое?»

И Благословенный отвечал: «В некотором смысле, Синха, те, кто говорят это, утверждают истину обо мне; с другой стороны, Синха, и те, кто говорит противное, также утверждают обо мне истину. Выслушай, и я поясню тебе.

Я учу, Синха, несовершению таких действий, которые несправедливы в поступках, в словах либо в мыслях; я учу непроявлению всех тех состояний души, которые несут зло и нехороши. Но я учу, Синха, совершению таких действий, которые справедливы в поступках, в словах и в мыслях; я учу проявлению всех тех состояний души, которые хороши и не несут зла.

Я учу, Синха, что все состояния души, которые несут зло и нехороши, и несправедливые действия в поступках, в словах или мыслях должны быть сожжены. Тот, кто освободился, Синха, от всех тех состояний души, которые несут зло и нехороши, тот, кто уничтожил их подобно пальме, вырванной с корнем, так что они не могут возникнуть вновь, – такой человек завершил искоренение себя.

Я провозглашаю, Синха, уничтожение самости, вождения, недоброжелательства, обольщения. Но я не провозглашаю уничтожение воздержанности, любви, милосердия и истины.

Я считаю, Синха, несправедливые действия презренными, совершены ли они в поступках, в словах или в мыслях; но я считаю добродетель и праведность достойным похвалы».

И Синха сказал: «Еще одно сомнение осталось у меня в отношении учения Благословенного. Не согласится ли Благословенный рассеять его, чтобы я понял Дхарму так, как учит ей Благословенный?»

Татхагата ответил согласием, и Синха продолжал: «Я солдат, о Благословенный, и царь назначил меня проводить в жизнь его законы и вести войны. Допускает ли Татхагата, который учит бесконечной доброте и состраданию ко всем страждущим, наказание преступников? И еще, признает ли Татхагата ошибочным идти на войну для защиты своего дома, своей жены, своих детей и своей собственности? Учит ли Татхагата доктрине полного самоотказа: должен ли я позволять злодею делать все, что ему вздумается, и покорно утсупать всякому, кто угрожает силой взять принадлежащее мне? Утверждает ли Татхагата, что всякая борьба, включая и войны, ведущиеся за правое дело, должна быть запрещена?»

Будда отвечал: «Кто заслуживает наказание, должен быть наказан, и того, кто достоин поощрения, следует поощрить. В то же время Татхагата учит не причинять вреда никаким живым существам, но быть исполненным любви и доброты. Эти заповеди не противоречат друг другу, ибо тот, кто должен быть наказан за совершаемые им самим преступления, пострадает не из-за недоброжелательства судьи, но вследствие своего злодеяния. Его собственные поступки навлекли на него то, что налагает служитель закона. Тот, кто исполняет приговор, пусть не питает ненависти в своей душе, чтобы даже убийца в момент своей казни

считал, что это есть плод его собственного поступка. Как только он поймет, что наказание очистит его душу, он не станет более сетовать на свою судьбу, но будет радоваться ей».

И Благословенный продолжал: «Татхагата учит, что любая война, в которой человек стремится убить своего брата, ничтожна; но он не учит, что тот, кто идет на войну за правое дело, исчерпав все средства к сохранению мира, заслуживает порицания. Порицаем должен быть тот, кто вызвал войну.

Татхагата учит полному отказу от себя, но не учит отказу от чего бы то ни было в пользу сил, представляющих зло, – будь то люди, боги или стихии природы. Борьба должна быть, ибо вся жизнь борьба. Но тот, кто борется, должен следить, чтобы не сражаться ради своих личных интересов против истины и справедливости.

Борющийся ради своих личных интересов, сколь бы он ни был велик, или силен, или богат, или знаменит, не получит воздаяния; но тот, кто борется за справедливость и истину, обретет великое воздаяние, ибо даже его поражение будет победой.

Личность – неподобающий сосуд для сохранения сколь-нибудь значительного успеха; личность мала и хрупка, и содержимое ее вскоре будет расплескано на пользу, но, возможно, также и на пагубу других.

Истина же достаточно велика, чтобы вместить сильные желания и стремления всех личностей; и когда личность лопнет, как мыльный пузырь, содержимое ее будет сохранено, и в истине обретет она вечную жизнь.

Идущий в бой, о Синха, даже и за правое дело, должен быть готов к смерти, ибо таков удел воина; и если рок постигнет его, у него не может быть оснований для недовольства.

Но одерживающий победы должен помнить о непрочности всего земного. Его успех может быть велик, но сколь бы велик он ни был, колесо судьбы может опять повернуться и низвергнуть победителя в прах.

Но если он обуздает себя и, угасив всю ненависть в своем сердце, подымет повергнутого противника и скажет ему: «Теперь приди, и заключим мир, и станем братьями», – он одержит победу, которая не есть преходящий успех, ибо плоды ее пребудут вечно.

Велик генерал, увенчанный успехом, о Синха, но еще больший победитель тот, кто покорил самого себя.

Доктрина покорения самого себя, о Синха, дается не для уничтожения человеческой души, но ради сохранения ее. Тот, кто покорил самого себя, более достоин жить, преуспевать, одерживать победы, чем раб самого себя.

Тот, чей ум свободен от иллюзии самости, выстоит и не падает в сражении жизни.

Устремленного к праведности и справедливости не может постичь неудача; он будет успешен во всех своих начинаниях, и успех его будет прочен.

Тот, кто взрастил в своем сердце любовь к истине, будет жить и не умрет, ибо он испил напиток бессмертия.

Потому сражайся мужественно, о генерал, и веди свои битвы со всею мощью; но будь солдатом истины – и Татхагата благословит тебя».

Услышав эту речь Благословенного, Синха, генерал, произнес: «Славный Владыка, славный Владыка! Ты раскрыл истину. Прекрасно учение Благословенного. Ты действительно Будда, Татхагата, Святой. Ты – учитель человечества. Ты указываешь нам путь к спасению, ибо это действительно есть истинное освобождение. Тот, кто следует за Тобой, не может не обрести свет, который озарит его путь. Он обретет счастье и мир. Прибегаю, Владыка, к Благословенному, к его учению и к его братству. Да примет меня Благословенный отныне и на всю мою жизнь последователем, нашедшим прибежище в нем».

И Благословенный сказал: «Обдумай прежде, Синха, свои действия. Человеку, занимающему такое положение, как ты, не следует совершать ничего без должного обдумывания».

Вера Синхи в Благословенного усилилась. Он отвечал: «Если бы другим учителям, Владыка, удалось обратить меня в своего последователя, то они раструбили бы об этом по всему городу Весали, вопя: «Синха, генерал, сделался нашим последователем!» Во второй раз, Владыка, я прибегаю к Благословенному, к Дхарме и к Общине; да примет меня Благословенный отныне и на всю мою жизнь последователем, нашедшим прибежище в нем».

И сказал Благословенный: «Долгое время, Синха, в твоём доме оказывались подношения членам секты нигантхов. Потому следует тебе давать им пищу и впредь, когда они зайдут в твой дом в поисках подаяния».

И сердце Синхи преисполнилось радостью. Он сказал: «Меня уверяли, Владыка, что самана Готама говорит: «Только мне и никому иному должны подноситься дары. Только мои ученики и ничьи другие должны получать подношения». А Благословенный призывает меня к пожертвованиям и для нигантхов. Хорошо, Владыка, поступим по обстоятельствам. В третий раз, Владыка, я прибегаю к Благословенному, к его Дхарме и к его братству» /11/.

Так всегда и во всем Будда руководствовался великою целесообразностью. «Какое преимущество могло бы дать вам небо?» Вы должны быть победителями здесь, в этом мире, в том состоянии, как вы сейчас» /12/.

Однажды большой спорщик старался поставить Будду в тупик, задавая ему двусмысленные вопросы. Будда перестал заниматься им и сказал, обращаясь к толпе, окружавшей его: «Этот человек не хочет того, что он видит. Того, что не видит, ищет он. Думаю, он долго будет тщетно искать. Он не удовлетворяется тем, что видит вокруг себя, и его желания безграничны. Благо отказавшимся от желаний».

Учение Будды утверждалось как правило жизни, ибо проникновение в жизнь каждого для высокого и целесообразного учения отметило новую эру в жизни человечества. Прежние запрещения и отрицания были заменены учением положительным и практическим, благодаря этому нравственность сильно поднялась.

Заповедано было удерживаться от всего отрицательного и всю энергию способствовать положительному и прекрасному.

Самоубийство было особенно сильно запрещено Буддою, так же как и отнятие всякой жизни. «Все дрожит перед наказанием, все страшится смерти. Судя о других по себе, не убивай сам и не будь причиной убийства» /8/.

«Бикшу воздерживается от всякого отнятия жизни. Он избегает отнятия жизни всякой твари. Откладывая в сторону дубинку и меч, он кроток и милосерден, добр и полон сострадания ко всему живущему».

Запрещалось употребление спиртных напитков и спаивание других, ибо опьянение ведет к падению, преступлению, сумасшествию и невежеству, которое является главной причиной нового тяжкого существования. Также указывалась необходимость совершенной чистоты для достижения полного духовного развития. Но иметь одну жену и верность ей рассматривалось как один из видов целомудрия. Полигамия была сурово порицаема Готамю Буддою как порождение невежества.

Учение о священных узах брака прекрасно выражено Благословенным в притче «Свадебный праздник в Джамбунаде».

«Величайшее счастье, какое может вообразить смертный, – это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть еще большее счастье: это объятие истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто заключил союз с истиной.

Потому соедините свою судьбу с истиной и живите с ней в святом браке. Муж, любящий свою жену и мечтающий, чтобы их союз длился вечно, должен быть верен ей, как сама истина; и она будет уверена в нем, будет чтить его и помогать ему. И жена, любящая своего мужа и мечтающая, чтобы их союз длился вечно, должна быть верна ему, как сама истина: и он будет доверять ей (он будет почитать ее), он будет всем обеспечивать ее. Воистину говорю вам (их брак будет сама святость и блаженство, и), дети их будут подобны своим родителям и станут свидетелями их счастья.

Пусть никто не будет одинок, пусть каждый соединится в святой любви с истиной. И когда Мара, разрушитель, придет отделить видимые формы вашего существа, вы пребудете с истиной и вкусите вечной жизни, ибо истина бессмертна» /11/.

Учение Будды сделало для раскрепощения и счастья женщины больше, нежели все другие учения Индии. «Женщина, – говорил Готама, – может достичь высшей степени знания, которое открыто мужчине, то есть стать Архатом. Освобождение, которое вне форм, не может зависеть от пола, принадлежащего миру форм». Женщины часто играли большую роль в общинах, и многие из них были замечательны своим знанием и устремлением.

Приводим ответ его ученицы Сома на вопрос: «Условие, которое трудно достижимо мудрецами, – каким образом может достичь его женщина с ее ограниченным умом?» – «Когда сердце совершенно успокоено, когда сознание раскрывается, тогда видишь истину. Но если кто подумает – я женщина, или я мужчина, или я то, или я другое, – пусть Мара занимается им» /13/.

«Врата бессмертия открыты всем существам. У кого есть уши, пусть приходит, слушает Учение – и верит» /4/.

Будда указывал на нелепость предрассудка, приписывающего словам возрастающую авторитетность вследствие повторения их растущим числом ученых. Истинный ученый тот, кто осознал совершенство познания, а не тот, кто бормочет формулы, уже многократно отброшенные до него.

«Я говорю моим ученикам – «Вот Нирвана, вот путь к ней». Наставленные мною, из них небольшое число достигают, другие нет. Что могу я? Благословенный есть лишь указатель пути» /4/.

«Ни один человек не может спасти своего близкого. Зло, содеянное человеком, пятнает лишь его самого. Зло, избегнутое им, не коснулось лишь его. Чист и не чист каждый лишь для себя. Человек не может очистить другого» /8/.

Выздоровление возможно лишь посредством внутреннего процесса работы над собою. Потому Будда не признавал никакой действенной силы за формулами, которые словесно передаются из поколения в поколение «подобно корзине, переходящей из рук в руки» /4/.

Будда, отрицая существование личного Бога, утверждая возможность освобождения лишь совершенно личными усилиями и упорным трудом над самим собою, одним этим уже отрицал всякое внешнее поклонение. С самого начала он порицал все ритуалы и другие внешние действия, которые только способствуют усилению духовной слепоты и цеплянию за безжизненные формы. В его учении нигде нет и намек на личное поклонение. Он говорил: «Учение спасает не потому, что Будда его дает, но потому, что оно есть освобождение. Ученик, следующий за мною, держась за конец моей одежды, далек от меня и я от него. Почему? Потому что этот ученик не видит меня. Другой живет за сотни верст от меня и, тем

не менее, близок мне и я ему. Почему? Потому, что этот ученик понимает учение; понимая учение, он понимает меня» /14/.

- Если вы поняли и узрели истину, как она есть, скажете ли вы: «Мы обязаны уважением нашему Учителю, и из уважения к нему, как говорил Учитель, так говорим и мы?»

- Нет, Благословенный.

- То, что вы утверждаете, не есть ли это то, что вы узрели и осознали сами?

- Да, Благословенный.

Предвидя будущее, Будда говорил: «Учение подобно пламени факела, зажигающему бесчисленные огни: огни эти могут способствовать варке пищи или рассеивать тьму, но пламя первого факела останется неизменно сияющим» /15/.

Будучи врагом всякого ритуала, Будда отрицал очистительную мощь обливаний. «Человек не будет нравственно чист оттого, что он долго очищался в воде. Чистый человек, брамин, тот, в ком обитает истина и добродетель» /16/.

«Гайя такой же бассейн воды, как все остальные бассейны» /4/.

«Все ваши правила, – говорил Будда изуверам, – низки и смешны. Иной из вас ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной не станет пить из кувшина или есть с блюда, не сядет за столом между двумя собеседниками, между двумя ножами или двумя блюдами; иной не сядет за общий стол и не примет подаяния в том доме, где есть беременная женщина, где заметит много мух или встретит собаку...

Иной питается одними овощами, отваром риса, коровьим или оленьим пометом, древесными корнями, ветвями, листьями, лесными плодами или зернами. Иной носит платье, накинув его только на плечи, или прикрывает себя мхом, древесною корою, растениями или оленьей кожей; распускает свои волосы или надевает на них волосяную повязку из конского волоса. Иной носит одежду печали; постоянно держит руки вверх; не садится на скамьи и циновки или постоянно сидит в положении животных...

Иной лежит на колючих растениях или на коровьем помете...

Не стану перечислять других подобных средств, которыми вы мучаете и изнуряете себя...

Чего ожидаете вы, добровольные труженики, за свои тяжкие труды? Ожидаете подаяний и почитания от мирян, и когда достигаете этой цели, крепко пристращаетесь к удобствам временной жизни, не хотите расстаться с ними, да и не знаете и средств к тому. Едва вы завидите издали посетителей, как тотчас садитесь и показываете вид, будто вас застали в глубоком размышлении, но расставшись с ними, снова делаете, что хотите, прогуливаетесь или покоитесь на свободе...

Когда вам подносят грубую пищу, вы, даже и не отведав, отдаете ее, а всякое вкусное кушанье оставляете у себя. Предаваясь порокам и страстям, вы, однако же, надеваете личину скромности. Нет, не таково истинное подвижничество!

Труженичество тогда только полезно, когда под ним не кроются своекорыстные намерения».

Аскетизм не имеет никакой ценности для освобождения от уз земли. Гораздо труднее найти терпеливого человека, нежели питающегося воздухом и кореньями, одевающегося корою и листьями. «Когда человек ослаблен голодом и жаждой, когда он слишком утомлен, чтобы владеть своими чувствами и представлениями, может ли он достичь цели, которая овладевается лишь ясным разумом расширенного сознания» /17/.

«Для того, чтобы струны вины издавали гармонический звук, не следует их слишком натягивать или ослаблять. Подобно этому каждое усилие, если оно чрезмерно, кончается бесплодной затратой сил; если недостаточно, оно обращается в пассивность.

Упражняйтесь в соизмеримости, соблюдайте точную меру в напряжении и устанавливайте равновесие ваших способностей.

Дисциплинированный человек свободен, будучи свободен, он радостен, он покоен и счастлив» /4/.

Именно, Будда стремился к тому, чтобы жизнь общины была радостна. Когда он формулировал наставления своему сыну, то, наряду с любовью, состраданием и терпением, он наказывал ему хранить радость.

В буддизме человек способен к добродетели, лишь если он ее осознал. Нельзя отчаиваться в человеке, творящем зло, если он не знает, что делает. Он видит ошибочно, но, по крайней мере, он видит. Получив некоторое знание, он может отказаться от своих прежних поступков. Но что можно ожидать от человека, пораженного слепотою разума?

«Из двух людей, совершающих ту же ошибку, наиболее плох тот, кто не осознал ее. Из двух невиновных лучше тот, кто сознает, что он невиновен. Ибо нельзя ожидать от человека, не сознающего себя виновным, чтобы он выявил энергию для прекращения своего заблуждения» /4/.

Чтобы вылечить себя, нужно знать свою болезнь, но знание ее не дает здоровья; необходимое условие для этого – выявление нашей воли.

Учитель рассматривал все существующие проявления как корреляты утонченнейших энергий. Особенно ценил он проявление энергии и самостоятельности в своих учениках. Он никогда не учил подавлять страсти, как таковые, но лишь видоизменять и возвышать их качества; ибо в основе каждой страсти заложена искра энергии, без которой невозможно никакое продвижение.

Энергия-воля делает ученика настроенным, полным непреложного устремления. Эти качества вооружают его терпением, энергией, постоянством самообладания – три необходимых условия, чтобы раздавить полчища Мары «подобно слону, сокрушающему бамбуковую хижину». Терпение рождается из сострадания и знания.

Относительно немилосердия указывается, что чужие ошибки легко замечаются, но своя ошибка трудно уловима. «Человек просеивает проступок соседа, как зерно от мякины, но свой прячет, как плут плохую игральную кость от игрока» /8/.

Нигде не видим непротивления злу, везде действенное обличение и прекращение зла. Нельзя покоряться страданию, нужно быть дерзновенным в усовершенствовании добра и не довольствоваться малыми достижениями. «Как прекрасный цветок без запаха, так красивые слова того, кто не поступает соответственно, – бесплодны» /8/.

«Я указал моим ученикам путь, которым они должны идти, чтобы проявить четыре совершенных усилия. Препятствуя возникновению пагубных, дурных вещей, если они еще не выявлены, и преграждая путь развитию уже проявленных, способствуя выявлению полезных вещей, еще не проявленных, и усиливая те, которые уже проявились, – ученик порождает волю, устремление, развивает мужество, упражняет сердце и борется» /4/.

Никогда не назовем Будду кротким, наоборот, он Водитель неунывающий. Борец за общину и материю, Герой труда и единства.

Будда указывал на необходимость соизмеримости и целесообразности. Он говорил: «Не нужно быть ни меньше, ни больше». Последователи его из этой формулы соизмеримости сделали скучную золотую середину, тогда как Учитель имел в виду гармонию. Также Будда завещал иметь возможно меньше вещей, чтобы не отдавать им слишком много времени, и этот совет последователи обратили в педантизм. Будда порицал изуверов и советовал обращаться с телом по необходимости условий. Там, где тело должно было быть облегчено при передвижениях, там Учитель указывал удобу. Там же, где зараженность атмосферы требовала защиты, там Учитель требовал питание. В учении Будды мы находим не только материалистическую философию, но и практическое улучшение жизни каждого дня.

Учитель указывал на необходимость гармонии сил человека для выявления высшей меры знания и красоты и на научно насущную необходимость космических сбережений на общее благо.

«Он будет соблюдать соизмеримость в милосердии, и, находчивый в средствах, он соединит мудрость с состраданием» /5/.

«Милосердный человек нашел путь к спасению. Он тот, кто посадил росток и тем самым обеспечил тень, цветы и плоды на будущие лета. Именно таково следствие милосердия, такова радость того, кто помогает тем, кто нуждается в помощи. Именно такова великая Нирвана».

«Бессмертие может быть достигнуто лишь постоянными добрыми делами; и совершенство достигается лишь через сострадание и милосердие».

Сострадание и целесообразность ярко выражены в следующем диалоге:

- Благословенный произносит ли слово, если оно ложно, губительно и неприятно?

- Нет.

- Если оно истинно, губительно и неприятно?

- Тоже нет.

- Если оно истинно, полезно и неприятно?

- Да, когда он находит это нужным.

- Если ложно, губительно и приятно?

- Нет.

- Если истинно, полезно и приятно?

- Да, когда он находит время подходящим.

- Почему действует он так?

- Ибо он сострадает всем существам /4/.

Много указаний о явлении сострадания имеется в Сутрах; перечислять их не нужно, ибо в нижеприведенном проявлении заключена вся тонкость и трогательность отношений Будды к ближнему.

«Чунда, кузнец, услышав, что Благословенный пришел к Паву и остановился в роще, направился к нему и, оказав почитание, просил Благословенного назавтра посетить его трапезу. Получив согласие, Чунда удалился и к следующему утру приготовил всевозможные яства, а также большой кусочек сочной свинины. Благословенный в сопровождении учеников прибыл в дом кузнеца. Опустившись на приготовленное сидение, он обратился к кузнецу Чунде:

«Чунда, свинину, припасенную тобою, принеси мне, ученикам же дай другие приготовленные тобой яства».

«Да, господин», – ответил кузнец и поступил так, как было указано.

Тогда сказал Благословенный: «Чунда, что осталось у тебя от свинины, закопай в землю, ибо я не знаю существа, кроме Татхагаты, кто мог бы усвоить ее».

«Да, господин», – ответил Чунда и зарыл в землю остаток свинины.

Вкусив пищу в доме кузнеца Чунды, Благословенный заболел тяжелой желудочной болезнью, и, испытывая сильнейшие боли, сказал ученику Ананде: «Встань, Ананда, мы пойдем в Кушинагара». По дороге Благословенный часто останавливался, испытывая жесточайшие боли, жажду и томление. Так дошли они до реки Какутхы; здесь, совершив омовение, Благословенный остановился на опушке леса, лег на разосланные одежды и обратился к Ананде: «Ананда, возможно, что кто-нибудь огорчит сердце кузнеца Чунды следующими речами: «Чунда, большая неприятность тебе, и должен ты чувствовать себя очень несчастным, что Татхагата покинул переходящее после того, как он принял трапезу в доме твоём».

Ананда, отгони тяжкие мысли Чунды словами: «Друг, ты должен радоваться, ибо в этом счастье твое, что так случилось. Из уст самого Татхагаты слышал и внял я, что дара пищи находят себе одинаковую оценку и воздаяние. Воистину, получают они большую награду и благословение, нежели другие. Какие два? Тот, после которого Татхагата достигает высочайшего, полного озарения, и тот, после которого он вступает в освобождение Нирваны». Такими речами должен ты, Ананда, рассеять тяжкие мысли кузнеца Чунды» /18/.

Чем глубже вникаем мы в учение Благословенного, тем ярче выявляется его беспредельное сострадание и любовь, которыми преисполнены все его мысли и действия.

«Подобно матери, охраняющей свое единственное дитя своею жизнью, воспитывайте в себе такую беспредельную любовь ко всем существам» /7/.

Его всевещающее чувство сострадания ко всему живущему простиралось даже на растительное царство. Он избегал уничтожать семена и растения.

В АНГУТТАРА-НИКАЯ Благословенный говорит: «Тот из моих учеников, который, хотя бы на мгновение, подумает о любви, освободительнице ума, размышляет не напрасно и следует учению и дисциплине Учителя. Но насколько же больше те, кто занят усовершенствованием самой мысли о любви!»

В ИГИВУТТАКА сказано: «Все способы, ведущие к достижению воздаяния в этой жизни, не стоят и одной шестнадцатой доли любви, освобождающей ум. Любовь, освобождающая ум, вмещает их в себе, сияя, блистая и излучая.

Подобно тому, как сияние всех звезд не может сравниться с одной шестнадцатой долей яркости луны, но как свет луны поглощает в себе сияние их, блистая, сверкая и излучая, так и все способы к достижению воздаяния этой жизни не стоят и одной шестнадцатой доли любви, освобождающей ум.

Любовь, освободительница ума, вмещает в себе все, сияя, сверкая и излучая.

Подобно тому, как последний месяц дождливого осеннего времени солнце, подымаясь в ясном и безоблачном небе, рассеивает тьму на своем пространстве, сияя, блистая и излучая, и подобно тому, как звезда утра после ночи на заре сияет, блистает и излучает, точно так же все способы к достижению воздаяния в этой жизни не стоят и одной шестнадцатой доли любви, освобождающей ум. Любовь, освободительница ума, вмещает их в себе, сияя, блистая и излучая».

Любовь Будды, как неизмеримый поток, не могла быть исчерпана никакой ненавистью или враждебностью. Напротив, враждебные выпады еще полнее выявляли ее. Потому он завещал своим ученикам: «Что бы не говорили люди о вас, будь то справедливо или несправедливо, учтиво или неучтиво, умно или глупо, с добротой или со злобой, мои ученики, вы должны приучать себя к этому. Ваш ум должен оставаться чистым, незапятнанным. Также и злое слово не должно исходить из ваших уст. Добрыми и сострадательными должны вы пребывать, сердцем любящими и не таить в себе ненависти. Окружите такого человека непрекращающимся потоком любвеобильной мысли. И, продолжая от него, наполните весь мир постоянными мыслями любвеобильной доброты, мыслями широкими, растущими и неизмеримыми, как мир, свободными от ненависти, свободными от злобы. Так, ученики, должны вы воспитывать себя» /4/.

Здесь мы видим, что любовь, которую ученики Благословенного должны были воспитывать в себе, была как беспредельный поток доброты, изливаемый на все четыре стороны света, вверх и вниз, во все места на всем пространстве Вселенной.

Согласно учению, когда эти благие волны сострадания или радости, посланные в пространство, достигают ум, подавленный горем и несчастьем, он внезапно ощущает в себе прилив чувства мира и спокойствия.

Мысль есть энергия и, как таковая, действует в полном соответствии с ее напряжением и импульсом, данным ей.

Любовь, как она была преподана Благословенным, будучи освобождением ума, лежала в основании всего действительно великого.

«Превыше всего – любящее сердце».

Еще одно предание из жизни Будды.

«Благословенный сидел над струями глубокого озера. В глубине можно было рассмотреть целый мир рыб и водорослей. Благословенный заметил, как этот мирок сходен с царскими дворами. Если туда опустится человек, он ступней сокрушит все призрачные чертоги, но сам задохнется. Из таких глубин не поднимается дух человека. «Впрочем, – улыбнулся Учитель, – на все есть средство. Можно пробить скалу и выпустить озеро. Улитки должны будут или засохнуть, или найти другое существование, но человек уже не погибнет».

В буддийских писаниях часто упоминается шесть учителей-философов в качестве постоянных противников Будды. Это были философы, оспаривавшие у Будды теоретические начала его учения. Два положения в учении Готама Будды особенно подвергались нападкам – его учение о причинах и отрицание самостоятельной неизменной души в человеке и во Вселенной. Именно те два положения, которые особенно близки современному нам мышлению.

Утверждая реальность, окружающую нас и видимую всеми людьми, Учитель указывал на существование тончайшей реальности, доступной лишь высшему знанию. Знание этой реальности и обладание этим высшим знанием недоступно нашим обычным грубым органам чувств.

«Если бы только то, что воспринимается нашими чувствами, существовало как единственная реальность, то невежды по праву рождения обладали бы основной Истиной. К чему были бы тогда все поиски к познанию сущности вещей?»

В нашем мозгу есть центры, открытие которых дает возможность обладания подобным непреложным знанием. В этом утверждении мы еще раз видим, насколько Учитель шел чисто научным путем, совпадая в этом указании с утверждениями современных ученых о том, что в нашем организме имеются многие центры, функции которых еще неизвестны, но, по значительности занимаемого ими места, можно предполагать о необычайном значении их.

Также идея личного бога, спасающего человечество, являлась для буддистов неприемлемой, несовместимой с законами кармы и с пониманием необходимости совершенно личных усилий для своего освобождения.

«Если существует Бог, какую надежду можешь ты питать умиловить его гимнами и поклонами? Поступки, совершенные тобою, есть поступки этого высшего существа... если Бог делает и все то, что худо, какую заслугу видишь в нем для своего почитания? Если, ненавидя зло, он не способен выявлять зло, то нелепо говорить, что все сущее есть творение Бога. Мощь Бога должна быть основана на законе или же быть подчинена другой причине. В первом случае она является следствием закона, во втором мы должны назвать ее рабством, а не владычеством».

«Кто сотворил наши жизни? Разве это Ишвара, личный творец? Если бы Ишвара был творцом, то все живущие существа должны были бы молча подчиниться мощи сотворившего их. Они были бы как сосуды, сделанные рукою горшечника. Если бы это было так, то каким образом явилась бы возможность применять добродетель? Если бы мир был сотворен Ишварой, то в нем не должно было бы существовать ни горя, ни бедствий, ни греха, ибо как чистые, так и нечистые деяния должны исходить от него. Если же нет, то должна существовать другая причина, кроме него, и тогда он не будет Самосущим. Итак, вы видите, что мысль об Ишваре опрокинута».

«Утверждают, что Абсолют сотворил нас. Но то, что является Абсолютом, не может быть причиной. Все вокруг нас происходит от причины, как дерево происходит от семени; но как может Абсолют быть подобной причиной всего? Если он наполняет собой все сущее, то, конечно, он не создает его.

Утверждают, что Я – создатель. Но если создатель – Я, то почему все не создано приятным? Причины страданий и радости существуют реально, и они объективны. Как могло бы Я создать их?

С другой стороны, если принять, что создателя нет, что наша судьба будет такой, как она есть, и что причинности не существует, – к чему тогда строить жизненные планы и изыскивать средства к достижению цели?

Итак, доказано, что все сущее имеет причину. Но ни Ишвара, ни Абсолют, ни Я, ни беспричинная случайность не являются создателем, но наши собственные действия производят следствия – как добро, так и зло» /11/.

«Весь мир подчинен закону причинности и причинам, умственным и неумственным, – золото, из которого сделана чаша, остается золотом во всех отношениях. Не будем погружаться в пустые спекуляции о бесполезных тонкостях; откажемся от своего Я и от эгоизма и, поскольку все связано причинностью, будем осуществлять добро, чтобы благо проистекало от наших действий» /2/.

Если вечно изменяющееся существование человека исключает гипотезу постоянной, неизменной сущности, то и Вселенная, этот комплекс комплексов, объясняется всецело без необходимости или даже возможности вводить в нее существо неизменное и вечное.

Две доктрины, особенно осуждаются Буддой:

1. Утверждение вечной неизменной души.
2. Уничтожение души после смерти.

Обе эти доктрины опровергались законом причинного зарождения, устанавливающего, что все дхармы, в одно и то же время, являются причинами и следствиями.

Будда отрицал существование неизменной души в человеке и во всем, ибо в человеке и во всей Вселенной он видел лишь непостоянство и преходящее.

Тезис – непрерывность потока феноменов и формула – причинность зарождения исключают существование вечной, неизменной души, как индивидуальной, так и мировой.

Понятие, связанное со словами неизменная душа, совершенно неприемлемо для буддиста, ибо представление, что человек может быть сущностью, отделенной от всех других сущностей и бытия всей Вселенной, не может быть доказано ни логикой, ни поддержано наукой.

«В этом мире никто не независим. Все, что существует, зависит от причин и условий».

«Всякая вещь находится в зависимости от другой, и вещь, от которой она зависит, в свою очередь, и не независима» /6/.

Будда постоянно учил, что самостоятельного Я нет, что нет и обособленного от него мира. Нет самостоятельных предметов, нет обособленной жизни – все лишь неразрывные корреляты. Раз нет отдельного Я, то мы не можем сказать – мое то или другое, и эти самым уничтожается зачаток понятия собственности.

Если понятие постоянной и самостоятельной человеческой души должно быть отброшено, что же это такое в человеке, что дает ему впечатление обладания постоянной личностью? Ответ будет – тришна, или неудовлетворенное желание бытия. Существо, породившее причины, за которые оно должно отвечать, обладая вожделением, получит новое рождение в соответствии со своею кармой.

Рождается новое соединение сканд-элементов одного и того же комплекса элементов, или дхарм, проявлявшихся в данное время как одна личность и после определенного промежутка времени снова в виде другой, третьей, четвертой и т.д. в бесконечность.

Происходит не трансмиграция, а бесконечное преобразование комплекса дхарм, или элементов – иначе говоря, перегруппировка элементов-субстратов, входящих в человеческую личность.

На качество нового соединения сканд-элементов новой личности оказывает большое влияние последнее предсмертное устремление предыдущей личности, которое дает направление освобождающемуся потоку.

Человек рассматривается в буддизме как индивидуальность, сложенная многочисленными существованиями, но лишь частично проявленная в каждом новом появлении на земном плане.

Индивидуальное существование, состоящее из целой серии жизней, которые начинаются, продолжаются и оканчиваются, чтобы снова начаться, и так нескончаемо, сравнивается с колесом или годом с двенадцатью месяцами, неизменно повторяющимися. Самая цепь Двенадцати Нидан становится уже не цепью, но Колесом Жизни с двенадцатью спицами. Колесо Жизни, Колесо Закона, раз пущенное в ход, никогда не останавливается. «Колесо благого Закона в неизменном вращении неустанно дробит неценные отбросы, отделяя их от золотого зерна. Рука кармы направляет Колесо, его обороты отмечают биение ее сердца».

Все эти смены форм или бытия ведут к одной цели – достижению Нирваны, то есть полного развития всех возможностей, заложенных в человеческом организме.

Но буддизм учит познавать и творить благо независимо от этой цели, ибо в противном случае это было бы невежеством самости, абсолютным эгоизмом, и подобный спекулятор заранее осужден на разочарование. Как сказано: «Нирвана есть синоним бескорыстия, полный отказ от всего личного во имя истины. Невежественный человек мечтает и стремится к Нирване, не имея ни малейшего представления об истинной ее сущности. Творить добро с целью получения результатов или же вести дисциплинированную жизнь для достижения освобождения не есть благородный путь, завещанный Готамою Буддою. Без мысли о каких-либо вознаграждениях и достижениях должна быть пройдена жизнь, и такая жизнь есть наивеличайшая».

Состояние Нирваны может быть достигнуто человеком в его земной жизни.

Учение Будды не делает различия между физическим и психическим миром. Реальность, приписываемая действию мысли, того же порядка, что и реальность предметов, познаваемых нашими чувствами. Сказал Благословенный: «Истинно говорю, твой разум – умственный, но и то, что воспринимается с помощью чувств, также умственно. Нет ничего внутри или вне Вселенной, что не есть ум или не могло бы стать им. Все сущее одухотворено, и даже сама земля, по которой мы ступаем, может преобразиться в сынов истины».

Учение рассматривает все существующие феномены как единственную реальность. Физически и психически эти феномены есть дхармы, предметы нашего познания. В нас и вне нас мы соприкасаемся лишь с дхармами, потому что в нас и вне нас существуют лишь дхармы.

Слово дхарма – одно из наиболее значительных и наиболее труднопереводимых в буддийской терминологии. Дхарма есть многообразный фактор, фактор сознания, с присущей ему особенностью определенного выявления. Наши органы доставляют нам чувствования, которые обращаются в дхармы действием познания. Идеи, представления и все интеллектуальные процессы есть, прежде всего, дхармы. Для нашего сознания дхармы то же, что цвет, форма и звук для зрения и слуха. Дхарма существует для нас своим воздействием. «Синий цвет существует, поскольку мы получаем ощущение синего».

Само Учение Будды принято называть Дхарма, ибо дхарма также обозначает закон.

Субъективные или же объективные феномены беспрерывно изменяются. Они реальны, но реальность их моментальна, ибо все, что существует, есть лишь вечное развитие – дхармы появляются в один момент, чтоб измениться в следующем. Эта доктрина вечного потока всех вещей была настолько основной характеристикой учения, что оно получило даже наименование «теория моментального разрушения».

Дхармы (трансцендентальные носители определенного качества) вовлечены в поток вечного изменения. Сочетания их определяют особенности предметов и индивидуумов. Неизменно лишь то, что находится вне сочетаний.

Древнее учение знало лишь одно понятие, которое не было составным, условным и было вечным* – это Нирвана. (* В представлении определенного цикла, но не Беспредельности).

Каждая дхарма является причиной, ибо каждая дхарма есть энергия. Если эта энергия присуща сознательному существу, она выявляется двояко: внешне она проявляется как непосредственная причина феноменов, внутренне она изменяет породившего ее и заключает в себе последствия, обнаруживающиеся в более или менее далеком будущем.

Если взять человека, мы найдем, что его физическое и психическое строение есть лишь сочетание пяти групп агрегатов-сканд, которые подразделяются на физические качества, форму – рупа; чувствования – ведана, представления – санжна; устремления или силы – самскара; сознание – вижнана. Все пять одинаково неустойчивы и двойственны. Самскара есть наклонности и творческие силы, объясняющие настоящие дхармы предыдущими дхармами и которые в настоящих дхармах готовят дхармы будущего.

«Самскара – накопления, оставленные прошлыми чувствованиями и сообщающие аромат будущим чувствованиям». Их этого определения самскара-сканд ясно, что эта группа элементов является как бы впитывающей в себя все особенности прочих сканд.

Самскара-сканды (тело причинности) – сохранение этой группы сканд обуславливается необходимостью проявления; когда эта необходимость исчезает, они преобразуются в чистый свет. Сканды вижнана и отчасти санжна дают окраску или характер прочим сочетаниям и потому являются причиной, определяющей последующее существование в смысле устремлений, наклонностей.

«Рупа подобна блюду; ведана подобна пище на блюде; санжна подобна подливке; самскара подобна повару, а вижнана подобна едоку». Благословенный сказал: «Именно в процессе эволюции возникают санскар»*. (* Санскара (пали) – то же, что самскара (санскрит) – прим. ред.) Не существует ни одной санскар, появившейся иначе, чем путем постепенного становления. Твои санскар – следствия твоих поступков в прежних существованиях. Сочетание твоих санскар есть твое Я. Куда бы ни были они привлечены, туда переселяется и твое Я. В своих санскарах ты продолжишь свою жизнь и в будущих существованиях пожнешь урожай того, что посея теперь и прежде» /11/.

Ни один элемент из одного существования не переходит в другое, но ни один не достигает нового существования, не имея причины в предыдущем бытии. Когда старое сознание перестает существовать – это смерть. Когда сознание возвращается к существованию, получается новое рождение. Нужно понимать, что не из старого сознания возникает настоящее сознание, но что своим настоящим видом обязано причинам, заложенным в предыдущем бытии.

От одной жизни к другой нет передачи, но как бы отсвет, солидарность.

«Человек посеявший – не тот самый, который жнет, но он и не другой».

Содержание сознания состоит из дхарм. Дхармы – это мысли. Мысли эти так же реальны, как и четыре элемента или органы чувств, ибо с момента, как вещь продумана, она уже существует. Человек есть комплекс сочетаний, и в каждый момент его природа определяется числом и характером частиц, которые его составляют. Каждое изменение в его сочетаниях делает из него новое существо. Но это изменение не исключает последовательности, ибо

движение сканд не совершается случайно и вне закона. Вовлеченные в вечный прилив и отлив агрегаты изменяются в одном направлении более, нежели в другом, ибо условия каждого нового сочетания определяются причиной, и причиной этой является качество предшествовавшей причины. Каждое последующее сочетание пожинает плод предыдущих сочетаний и закладывает семя, которое оплодотворится в будущем сочетании.

Человек есть комплекс сочетаний, и, в то же время, он – звено. Он – комплекс, ибо в каждый момент он содержит большое число сканд; он представляет собой звено, ибо между двумя последующими состояниями есть одновременно различие и солидарность. «Если не было бы разницы, молоко не изменялось бы в простоквашу. И если бы не было солидарности, то не было бы необходимости в молоке, чтоб иметь простоквашу». Так сканды складывают нашу карму или, обратно, карма слагается из сканд.

Поясним еще примером. Физиологически человеческий организм совершенно изменяется каждые семь лет, и тогда как человек А в сорок лет совершенно тождественен с восемнадцатилетним юношей А, все же, благодаря постоянному разрушению и восстановлению его тела и изменениям в уме и характере, он другое существо. Человек в старости является точным следствием мыслей и поступков каждой предыдущей стадии своей жизни. Подобным образом новое человеческое существо, будучи предыдущей индивидуальностью, но в измененной форме, в новом соединении сканд-элементов, справедливо пожинает следствия своих мыслей и поступков в предыдущих существованиях.

Сознание и его вечно изменяющееся содержание едины. «Нет постоянного Я, которое оставалось бы неизменным». «Нужно, чтоб эмбрион умер, для того, чтобы родился ребенок; нужна смерть ребенка, чтобы родился мальчик, и смерть мальчика выявляет юношу» /5/.

На востоке принято эволюцию человеческого существа сравнивать с ожерельем, каждая буса которого есть одно из физических проявлений. Но, может быть, ближе представить себе эту эволюцию как сложную постройку, в которую с каждым новым проявлением на земном плане прибавляется новый ингредиент, который, конечно, изменяет весь состав.

Каждое новое проявление ограничивается физическими элементами – рупа-сканда.

Энергия, стремящаяся создать новое существо и направляемая кармой, называется тришна – стимул, жажда бытия.

И этот стимул при проникновении в Учение встает перед нами не только как величайший космический принцип, но и как величайшее и прекраснейшее космическое таинство.

И Готама Будда, неустанно указывающий на вечно мчащийся поток наших жизней, этим самым утверждал космичность, и, следовательно, беспредельность этого стимула, подавлением которого в себе заняты многие золоткователи Учения. Но огненный дух Учителя мог лишь уничтожить малые понятия, расширяя их в Беспредельность.

И Нирвана есть те Врата, которые вводят нас в ритм высшего, огненно творящего и вечно расширяющегося потока бесконечного существования.

Учение Будды – это один неутомимый огненный призыв к осознанию единства и красоты великого творчества Бытия Беспредельного!

Что есть карма? Воздействие последствия совершенного человеком выявления – делом, словом и мыслью. Внутреннее воздействие, как уже указано ранее, проявляется лишь в сознательных существах. Отсюда колоссальная ответственность человека перед всем сущим и прежде всего перед самим собою.

«То, что я называю кармой, есть лишь мысль, ибо, поразмыслив, человек действует телом, словом и разумом» /19/.

Карма создается мышлением. «Нет никакой заслуги тому, кто дает золото, думая, что дает камень». Именно мышление придает человеку моральную ценность, изменяемую поступками в ту или иную сторону.

Доброе действие выявлено и завершено. И хотя его уже нет, тем не менее, последствие существует. В данный момент действия происходит определенное сочетание дхарм в потоке этого человека. В этом заключается неуничтожаемость поступка. Таким образом, к понятию чисто механическому причины и следствия буддизм прибавляет еще ответственность. Одна из таких комбинаций агрегатов, которую мы называем индивидуумом, унижена или возвышена действиями предшествовавшей комбинации, с которой она солидарна. «Я не учу ничему другому, как только карме» /20/.

Та настойчивость, которую проявил Будда, чтобы внушить своим ученикам сознание моральной ответственности, вытекающей из закона кармы, доказывает, что в этом заключался фактор первичной Истины, самодовлеющей и абсолютной, Истины, которая должна руководить всеми поступками человека. «Сомневаться в моральной мощи поступка – значит закрывать глаза на очевидность».

«Все существа имеют свою карму. Они наследники поступков и сыновья поступков. Они в полной зависимости от поступков. Поступки устанавливают между существами различия в состояниях, низменных и превосходных».

«Воистину, из того, что было, создается то, что есть. Человек рождается согласно тому, что он создал. Все существа имеют наследием карму» /4/.

«Соответствие между плодом и семенем не только точно, но действие, как всякое доброе семя, возрастает стократно».

Так каждый человек, действием безошибочной кармы, получает в точной мере все должное, им заслуженное, не более и не менее. Ни одно благое либо злое действие, как бы пустяшно оно ни было, как бы тайно ни содеяно, не минует точно уравновешенных весов кармы. Карма есть причинность, действующая в моральном так же, как и в физическом и других планах. Буддисты говорят: «Нет чудес в делах человеческих, что человек посеял, то он и пожнет».

«Не существует места на земле, или на небе, или под водою, также нет такого в недрах гор, где бы злое действие не принесло страдания породившему его».

«Если человек оскорбит неповинного человека, то зло обратным ударом настигнет безумца, подобно легкому сору, брошенному против ветра».

«Зло содеянное не сворачивается тотчас же, как молоко. Оно следует за безумцем, как тлеющая искра, которая, наконец, разгорается в жгучее пламя» /8/.

Один безумец, услышав, что Будда соблюдал принцип великой любви – платить добром за зло, пришел к нему и начал поносить его. Будда хранил молчание, жалея его безумие.

Когда же безумец кончил свои поношения, Будда спросил его: «Сын мой, если человек отказывается принять дар, кому он принадлежит?» И тот отвечал: «В таком случае, он будет принадлежать человеку, предложившему его».

«Сын мой, ты поносил меня сейчас, но я отказываюсь принять твои оскорбления и прошу тебя оставить их при себе. Не будет ли это источником горя для тебя? Как эхо принадлежит звуку и как тень предмету, так же непреложно бедствие настигнет содеявшего зло».

Злой человек, упрекающий добродетельного, подобен человеку, который смотрит вверх и плюет в небо; плевок не осквернит небо, но, падая обратно, запятнает его самого.

Клеветник подобен бросающему сор на другого, когда ветер противный. Сор лишь возвращается на того, кто бросил его. Добродетельному человеку не может быть нанесено

ущерба, и то несчастье, которое клеветник желает нанести, оборачивается не него самого» /15/.

Как общее правило, люди возвращаются на Землю до тех пор, пока сознание их не перерастет земного уровня. Будда указывал, что существуют целые системы миров различных качеств, высших и низших, и что обитатели их в своем развитии вполне соответствуют мирам, ими населяемым. Мир, в котором данный человек должен проявиться, так же, как и качество самого перевоплощения, решается преобладанием в нем положительных или отрицательных качеств, иначе говоря, научным языком, – рождение это будет контролировано его истинным тяготением, или своею кармой – скажут буддисты.

Подобно поступку, раскаяние есть действие. И это действие имеет последствия, которые могут уравновесить последствия проступка. Будда говорил: «Если содеявший зло человек осознает свою ошибку, раскается и будет делать добро, сила наказания истощится постепенно, подобно болезни, постепенно теряющей свое губительное воздействие по мере испарины больного» /15/.

Карма есть мысль, потому качество мышления может изменить и даже совершенно освободить человека от воздействия кармы. Если бы поступки всегда нагромождались один на другой, человек был бы заключен в свою карму, как в заклятый круг. Но уча, что существует состояние сознания, которое может уничтожить воздействие содеянных поступков, Будда указывал возможность прекращения страданий мира. Воля и энергия – властители кармы. Из всего сказанного ясно, что закон кармы и закон перевоплощения неделимы, ибо один является логическим следствием другого.

Некоторыми западными учеными принято было рассматривать буддизм как учение отчаяния и бездействия, что совершенно не отвечает его основному характеру.

Будда, как истинный вождь общего блага, бесстрашно раскрыл человечеству истинные опасности существования и, в то же время, указал путь, как избежать их: путь этот – знание. Кто же назовет человека, остановившего вас на краю пропасти, пессимистом?

«Существа живут в доме, объятom пламенем, и, тем не менее, они не испытывают ни боязни, ни ужаса. Они не знают, они беспечны, они не пугаются, они не стараются спастись, они развлекаются и снуют в разные стороны в этом тройственном мире, подобном дому, охваченному пламенем» /21/.

«Глупцы думают, что страдания заключаются лишь в болезненном ощущении. Воистину, чувства их извращены. Они уподобляются больному, представляющему себе, что сахар горек. Пушинка шерсти, опускаясь на руку, не осязаема, но проникая в глаз, она причиняет сильную боль. Ладонь – это невежественный человек, глаз – это мудрец. Лишь мудрый потрясен зрелищем страдания мира» /22/.

Если кто после этих заявлений назвал бы Будду пессимистом, то уподобился бы тем невежественным людям, которые убивают врачей, приезжающих делать им целебные прививки. И те же люди, склонные приписать учению ноту отчаяния, приводят утверждение Благословенного: «Я разрушитель старости и смерти. Я лучший из врачей. Я владею наивысшим средством».

«Пейте, трудящиеся, пейте лекарство истины и, принимая его, живите. Испив его, вы победите старость и смерть» /23/.

Приводим авторитетное мнение главного настоятеля монастырей Камакура, Сойен-Шаку: «Буддизм есть наиболее рациональное и интеллектуальное учение мира» /24/.

Учение Будды, проникнутое по своему построению утверждением самодовлеющей человеческой сущности в космическом размахе устремления к дальним мирам, полно истинного величия и красоты.

Естественно, может явиться вопрос – как же Учитель помнил о красоте в ее земных проявлениях? Указывается, что даже перед отходом мысли Учителя были устремлены к

прекрасному, вспоминая красоты лучших мест, им пройденных: «Прекрасна Раджагриха, вершина Коршуна, скала Разбойника; прекрасны рощи и горы». «Вайшали – какое это прекрасное место!» /18/.

Все древние философские учения утверждали закон кармы и закон конечного освобождения. Но ценность учения Будды в том, что, не нарушая в основе все эти научно-философские положения, оно обратилось к Земле, к земному труду, указывая, что лишь путем реального, напряженнейшего труда и саморазвития можно достичь истинного прогресса, и тем самым установило эволюционность человечества, как органической части Космоса.

Слово поток, так часто употребляемое Буддой в приложении к Космосу и к человеческому существованию, есть не что иное, как наше понятие, выраженное словом эволюция.

«Контакт космического преобразования с психической энергией рождает состояние счастливого потока», – так говорил Будда.

Насколько прежние учения могли быть характеризованы отрывающими от земли, настолько Будда явился истинным пахарем земли, утверждая основу сознательного и реального труда. И формула, что все достигается лишь личными усилиями, лишь человеческими земными руками и ногами, красной нитью проходит через все учение. И в этом заключается неповторимая особенность ценности учения и труда Готама Будды.

«Нет более прекрасного воззвания к миру, чем это постоянно повторяющееся утверждение: «Братья, не для того пришел я, чтобы предложить вам какие-либо догмы, и я не требую от вас веры в то, во что веруют многие другие. Только к просвещению, ничем не ограниченному, призываю я вас; пользуйтесь собственным умом, развивайте его вместо того, чтоб дозволить ему тупеть. Я заклинаю вас – не уподобляйтесь диким зверям или глупым овцам. Я молню вас – будьте здравомыслящими людьми, людьми, трудящимися неутомимо для овладения истинным знанием, которое победит страдания».

Нас не занимают позднейшие нагромождения около буддизма, только основы, завещанные самим Учителем, нужны для будущего. И в этих основах можно видеть учение, не только проложенное железной волей, но и запечатленное ступенями хождений долгих.

Можно изумляться, какими доводами поверхностные исследователи показали учение Будды как отчаяние. Ведь это – ложь! Песня величия труда, песнь победы человечества, песнь суровой радости!

Учение Будды можно назвать научным опытом трудовой общины. Не только понимание буддистов, но и все справедливые умы должны оценить камень труда Будды.

С самого начала делалось различие между смыслом и буквою. Учитель говорил: «Знание не есть буква, но дух».

«Слово Будды отличено от буквы. Учитель сообщает истину ученику, но обладать ею он может лишь после глубокого, личного ее осознания».

По словам ученых буддистов, данные, на которых основано учение, отвечают всем требованиям разума, но смешивать который с ограниченным рассудком невежественного человека было бы крайне нелепо.

До нашего времени сохранилось достаточно буддийских преданий, более или менее достоверных, чтобы, по крайней мере, приблизительно знать характер речей Учителя. Из этих преданий мы знаем, что Учитель никогда не колебался в ответах на предлагаемые ему вопросы. В древних сборниках слов Будды, прежде всего, замечается необычайная краткость и четкость выражений. Сутры есть не что иное, как афоризмы или краткие изречения Будды, заключавшие в себе философские и нравственные положения учения. Афоризмы Будды сохранили свою краткость в буддийских преданиях, но уже с присоединением пояснений.

Яркость учения Будды также заключалась в силе его простых выражений. Никогда он не применял стихов. Именно подобно льву рычал он о чистоте жизни. Никогда не проповедовал, но лишь разъяснял при случае, пользуясь притчами для углубления данного совета.

Будда заповедал своим ученикам всегда излагать учение на народном разговорном языке и сурово осуждал всякую попытку кодификации учения на искусственном литературном языке.

В буддийских традициях имеются данные о хождении Учителя за пределы современной ему Индии, в Тибет, Хотан и Алтай.

Традиция буддизма иметь при своих общинах обширные школы с философскими, медицинскими, математическими, астрономическими и прочими курсами является прямым следствием заветов Учителя, указавшего, что «невежество есть пятно, более других пятнающее человека».

Школы буддийские, так же как и точный состав их книгохранилищ, посторонним мало известны, но каждое новое сведение служит расширению западных понятий о внутреннем строении буддизма. Без языка, без знаний, без доверия никто не проникнет в эти твердыни, которым так близка Сангха – община.

Не забудем, что слово лама означает учитель, а не монах, как по незнанию часто принято считать. Издревле ученые ламы переписывают и печатают с резных досок книги и являются очень искусными художниками при полной анонимности авторства. Уважение к книгам и книгохранилищам является традиционным в Тибете. Среди ученых лам существует обычай проигравшего в ученом споре запираться в библиотеку.

Возвращение к древней вине – кодексу нравственных и общинных постановлений буддизма, стоит всегда, а особенно теперь, ближайшей задачей общинных собраний.

Известный ученый в своей лекции, прочитанной им на выставке буддийских предметов в Петрограде, говорил: «Не можем не сказать в заключение, что основные стороны буддийского философского учения, будучи правильно поняты и переложены на наш философский язык, обнаруживают близость как раз к самым последним, самым новейшим достижениям в области нашего научного мирозерцания. «Мироздание без Бога», «психология без души» (вернее было бы сказать – психология вечно изменяющейся души), «вечность элементов материи и духа», что является лишь особым выражением закона причинности; наследственность, жизненный процесс вместо бытия вещей; и в области практики отрицание частной собственности, отрицание национальной ограниченности, всеобщее братство всех людей; наконец, общая всем нам необходимая, неизбежная вера в то, что мы движемся и должны двигаться к совершенствованию независимо от Бога, души и свободы воли – вот основные черты как буддийского, так и нашего современного, новейшего мирозерцания». Говоря точно, учение Будды опровергает существующее заблуждение, что эволюция протекает неуклонно и что ее законы действуют независимо ни от чего. Мы знаем, что все живет и движется индивидуально; следовательно, должна существовать особая согласованность и дисциплина для поддержания равновесия, или гармония. Сказать, что человек должен развиваться безотносительно к тому, что сам он является частью общего плана эволюции, – значило бы отвести человеку роль простого мяча судьбы.

К сожалению, мы должны указать, что последние слова уважаемого лектора: «Мы движемся и должны двигаться к совершенствованию независимо от свободы воли» – находятся в прямом противоречии к основному принципу учения Будды, по которому для достижения усовершенствования требуются совершенно личные, сознательные усилия и постоянный труд над собою, что возможно лишь при свободной воле.

Сопоставим буддизм и современную науку. Бросается в глаза, что именно буддисты наиболее склонны ко всем эволюционным достижениям. Конечно, это качество было вложено их основным учением. Знакомая с основами, видим, насколько утверждения Учителя

подтверждаются достижениями современной нам науки. Тех же результатов, что Эйнштейн достиг путем опыта, достигли древние буддисты чисто умозрительным путем.

Еще раз повторяем, что буддизм нельзя рассматривать как религиозное откровение, ибо Готама Будда утверждал свое учение как познание вечных истин, которые так же точно утверждались его предшественниками.

Готама учил, что все существующее произошло из Акаши, или первичной субстанции, в повиновение присущему ей закону вечного движения и после известного периода существования вновь разлагается.

«Ничто не может произойти из ничего». Буддисты не верят в чудеса, следовательно, они отрицают создание и не могут представить себе создание чего-то из ничего. «Ничто органическое не вечно. Все сущее находится в состоянии постоянного движения, претерпевая изменения и поддерживая непрерывность согласно закону эволюции».

«Мир существует причиной. Все существует причиной. Все существа связаны причиной» /25/.

Говоря о постоянной изменчивости видимого нашими грубыми органами мира и его разложении, буддизм указывает, что эти разложения временны и периодичны; ибо по принципу эволюции, направляемому законом кармы индивидуальной и коллективной, мир исчезающий, в свою очередь, выявит мир со всем его содержанием, подобно тому, как наша Вселенная была проявлена из первичной субстанции – материи.

Отрицая чудеса, Учитель указывал на скрытые силы в человеческой природе, которые при развитии их могут производить так называемые чудеса.

Система развития этих сил изложена в буддийских книгах и известна под названием науки Сиддхи Видхана, причем указывается на два вида проявления этих сил и на два способа достижения их. Один, низший вид, достигается путем разных аскетических и других физических упражнений. Другой, более высокий и исчерпывающий всевозможные явления, достигается силою внутреннего развития.

Первый вид развития сил непрочен и может быть утерян, тогда как внутреннее развитие никогда не может быть утрачено. Овладение им достигается, следуя указанному Буддой благородному Пути.

Все эти скрытые силы развиваются в человеке постепенно и обычно сами собою по мере преодоления человеком низших проявлений своей природы в целом ряде прежних жизней.

Для развития сил высокой степени необходимы четыре условия:

1. Воля.
2. Ее применение.
3. Умственное развитие.
4. Распознавание между истиной и заблуждением.

Человек, обладающий этими силами или знанием, умножая силы природы, может произвести самые необыкновенные чудеса, то есть, другими словами, произвести любой научный опыт. Будда не поощрял подобных выявлений сил, ведущих лишь к смущению умов, не знакомых с присущими этим явлениям принципами, и создающих тяжкую атмосферу насильственно потревоженных стихий.

В МАХАПАРИНИРВАНА СУТРЕ говорится о необыкновенном свете, исходившем из тела Будды, который был замечен его ближайшим учеником Анандой. Учитель указал, что при двух обстоятельствах подобное

физическое излучение может быть видимо физическим глазом:

1. Во время великого просветления человека, ставшего Буддой.
2. В ночь, когда подобный человек – Будда – окончательно уходит.

Изучая буддийские источники, можно найти много ценнейших указаний об этом чисто физическом явлении излучения. Указывается светящаяся, тончайшая материя, окружающая

человека и являющаяся ближайшим внутренним фактором человеческих достижений. «Материя эта необычайно тонка, подобна сиянию алмаза, невесома, несжигаема и исчезает без остатка после смерти. И, тем не менее, она атомична».

Излучение это сейчас известно европейцам под названием аура. Излучение это совершенно естественно, и было доказано научно, что не только все человеческие и животные организмы, но деревья, растения и даже камни обладают им.

Первым из ученых, указавших на эту особенность, был барон Рейхенбах. Он доказал, что это излучение совершенно естественно. опыты эти подробно изложены в его «Исследованиях 1844-45 гг.»

Также доктор Барадюк в Париже снимал фотографии с этого излучения, а сейчас в Лондоне, Америке и Берлине отделы при научных институтах посвящаются изучению человеческих излучений – аур. Было доказано, что излучение это бывает разнообразных оттенков, распространяется в объеме и усиливается в напряжении света соответственно духовному и интеллектуальному развитию человека. Отмечены такие явления, как внезапные вспышки цветных лучей, выходящих из плечей, но происхождение подобных вспышек не нашло еще объяснения в науке. Обращено внимание на уменьшение силы света излучения при болезненном состоянии организма.

В своей книге «Магнитная аура космического человека» Мар-Галитту (госпожа Рейман) пишет: «Профессор Юревич из Москвы указывает на γ -лучи человеческой ауры, как на недавнее открытые и весьма мощные невидимые излучения.

После десятилетнего детальнейшего опыта профессор Юревич представил результаты своих исследований на Международном психологическом конгрессе в Копенгагене.

Разница между человеческими эманациями и излучениями радия и рентгеновскими лучами заключается в том, что эманации человека гораздо тоньше и могут проникать через самые плотные тела, тогда как лучи рентгеновские и радия находятся в зависимости от определенной плотности тел, через которые они проникают. Так, эманации эти преобразуют газовые струи, обычно не являющиеся проводниками, в замечательные проводники магнитной силы. Но их дальняя проводимость является главным, основным свойством γ -лучей. Вне всякой зависимости от расстояния и плотности, эти газовые струи приобретают качество проводимости под воздействием человеческих эманаций. Их дальняя проводимость и проникающая сила обусловлены космическим контактом человеческих эманаций, и потому допускается, что они обладают более мощным воздействием, нежели все другие лучи.

Кроме дальней проводимости и мощи проникновения γ -лучи, проходя через плотные препятствия, могут производить и механические действия. Так, проникая через толстые металлические пластинки, γ -лучи производят молекулярные отложения, как только лучи направлены сознательно-концентрированным способом. Во время определенных опытов они вызывают преломление световых волн. Также они могут быть фотографированы. Лучи γ ауры лежат в основании левитации и телекинетических феноменов. Труд проф. Юревича озаглавлен «Лучи γ как проводники биофизической энергии» и содержит пятьдесят фотографий его опытов».

Также в 1920 году вышла книга «Human atmosphere» (аура) Вальтера Кильнера. Кильнеру удалось при помощи определенного химического состава, накладываемого на стекло, через которое он смотрит, уловить очертания ауры наблюдаемого объекта.

Современная теория гипнотического внушения может быть найдена в следующем предании о Чуллапантхаке в палийских комментариях на ДХАММАПАДУ.

«Чуллапантхака был учеником, овладевшим некоторыми силами. В тот же самый день Будда послал за ним. Когда посланный достиг общины, он увидел триста учеников, сидевших в одной группе, и каждый из них был точным воспроизведением другого. На его вопрос: «Где Чуллапантхака?» – все триста как один ответили: «Я Чуллапантхака». Посланный в полном

смущении вернулся к учителю, но Будда велел ему немедленно вернуться, и, если подобное повторится, схватить за руку первую фигуру, которая назовется Чуллапантхака, и привести к нему». Учитель знал, что ученик захочет проявить свою приобретенную силу, внушив созданию посланного иллюзорное изображение самого себя. Сила эта называется «Махамая сиддхи», и, чтобы проявить ее, Чуллапантхака должен был ясно, отчетливо представить в уме свое изображение, а затем внушить его в желаемом количестве сознанию посланного.

Таким же образом современные научные данные поддерживают теорию кармы, изложенную в буддизме. Современная наука учит, что каждое поколение людей является наследником отличительных особенностей предыдущих поколений, и не только в массе, но в каждом индивидуальном случае.

Психология находит себе полное основание в том исключительно сугубом внимании, которое Будда уделял мыслительным процессам, очищению и расширению сознания учеников, утверждая мысль первенствующим фактором эволюции всего сущего. Психологические процессы в буддизме тесно связываются с физиологией.

Буддизм не проводит определенной черты между психическими процессами и материей. Психические процессы рассматриваются как проявления тончайших свойств материи.

В ДИАЛОГАХ БУДДЫ, часть II, встречается указание на существование умственного тела, кроме физического, являющегося точным воспроизведением последнего. И это тонкое тело может быть выделено по желанию и может проявлять деятельность на дальних расстояниях.

«Сосредоточив таким образом свой ум и будучи вполне очищенным, совершенно свободным от скверны и готовым к действию, твердым, невозмутимым, бикшу направляет его к вызыванию своего умственного тела. Он вызывает из физического тела другое, тонкое тело, имеющее форму, состоящее из мыслительного вещества, имеющее все члены и части и все органы, соответствующие телу физическому. Это выделение напоминает как если бы человек вытягивал тростник из его оболочки. Он знает, что это тростник, а это его оболочка, и что тростник одна вещь, оболочка же другая. Именно из оболочки добывается тростник; точно так же и бикшу выделяет из своего тела другое тело, имеющее форму и состоящее из вещества мысли, имеющее все члены и части и все органы».

Утверждая неуничтожаемость энергии, Будда рассматривал все сущее как агрегаты тончайших энергий.

Для современного нам физика движущей силой является материя, ибо восприятие материи человеком есть ответ его чувств на вибрацию энергий.

Что есть дхарма, как не энергия и вибрация?

Дхармы, по буддийскому учению, существуют для нас в силу их воздействий; все наши восприятия есть прежде всего дхармы.

Потому, переводя эту формулу на современный язык, мы можем сказать, что все наши ощущения являются исключительно действиями энергии, и энергия есть единая реальная сущность. Именно современное энергетическое мировоззрение приближает нас к учению Готама Будды.

Точно так же утверждения Благословенного о действии мысли на расстоянии предваряют наши изыскания в области телепатии и передачи мысли на расстоянии и беспроводного телеграфа. Раз мысль есть энергия, то, как таковая, она подчинена тому же закону в своем действии, как и всякая иная энергия. Мы знаем, что волны Герца распространяются на тысячи миль без всяких проводов и могут быть уловлены любым согласно настроенным приемником. Почему же тогда человек не может послать мысль-энергию, которая вызовет тождественные вибрации в человеке, восприимчивом к ним?

Итак, Будда является предшественником во многих областях знания. Будда также указал на различие между очевидностью и

действительностью. Его сравнение очевидности с миражем, или иллюзией (Майя), годится для любой современной беседы.

Если эта Великая Мудрость будет изучаться непредубежденными умами в правильном освещении, она обогатит достояние и сознание человечества многими бесценными жемчужинами.

Философию буддизма можно назвать анализом отдельных элементов, вступающих в сочетание при образовании определенного индивидуального потока. Индивидуальный поток слагается и питается бесчисленными проявлениями человека на земле, в других планах и других мирах. Впитывая все особенности каждого проявления, поток этот растет возможностями, видоизменяется, оставаясь вечно самодовлеющим. Истинная индивидуальность, истинное бессмертие заключается в осознании своего истинного Я, сложенного бесчисленными сочетаниями человеческих проявлений.

«Все заботы о личности тщетны; чувство личности есть мираж, все несчастья, постигающие ее, пройдут. Они исчезнут, как кошмар, когда спящий человек проснется».

Человек в буддизме не несчастный пигмей, каким он является в представлении западного мышления, но владыка миров. Будучи частью и отображением Космоса, он, подобно ему, безграничен в своих возможностях.

Данные о мироздании, о существовании бесчисленных мировых систем, в вечном эволюционном движении проявляющихся и распадающихся, утверждения об обитаемости многочисленных миров и о полном соответствии организмов, населяющих эти миры, со свойствами и строением их планет, совпадают с теми научными проблемами, которые сейчас тревожат умы истинных ученых.

Итак, современная наука, совпадая с утверждением основного буддизма, подтверждает всю реальную сущность этого впервые запечатленного учения о реальности жизнетворчества великой материи.

Воздадим должное почитание этому великому Уму, который мощным духом проник в самые основы Бытия, разрешил проблемы жизни и указал на цель эволюции как сознательное сотрудничество с Космосом и общение с дальними мирами.

Ни одно учение не предусматривало развитие будущего с такой ясностью, как буддизм. Наряду с почитанием Будды в буддизме развито почитание Бодхисаттв – будущих Будд. По преданию, Готама перед достижением состояния Будды в продолжение многих веков был Бодхисаттвой. Слово «Бодхисаттва» состоит из двух понятий: «Бодхи – озарение или пробуждение, и саттва – сущность. Кто же эти Бодхисаттвы? Ученики Будды, добровольно отказавшиеся от личного освобождения и, по примеру Учителя, вступившие на долгий, тягостный и тернистый путь помощи человечеству. Подобные Бодхисаттвы проявляются на Земле среди самых различных жизненных условий. Физически ничем не отличаясь от остального человечества, они совершенно отличны по своей психологии, неизменно являясь носителями принципа общего блага.

Будда, устремляя все возможности к утверждению эволюции, заповедал своим ученикам почитать Будд будущего более, нежели Будд прошлого. «Так же как почитают молодой месяц больше, нежели полную луну, так же, кто имеет веру в меня, должен почитать Бодхисаттв более, нежели Будд» /26/.

Подобного действенного примера самоотречения история нигде нам не указала. По словам предания, Благословенный утвердил своим преемником Бодхисаттву Майтрейю.

«И сказал Благословенный Ананде: «Я не первый Будда, который пришел на Землю, также не буду я последним. В должное время другой Будда восстанет в мире, Сокровенный, высшего озарения, одаренный мудростью, счастливый, вмещающий всю Вселенную, несравненный Вождь народов, Повелитель Дэв и смертных. Он откроет вам те же вечные истины, которые я преподавал вам. Он установит свой Закон, преславный в его началах,

преславный в его апофеозе и преславный у цели в духе и слове. Он возвестит праведную жизнь, совершенную и чистую, какую проповедаю сейчас и я. Его ученики будут исчисляться тысячами, тогда как мои лишь сотнями».

И спросил Ананда: «Как узнаем мы Его?»

Благословенный сказал: «Имя Его будет Майтрейя» /11/.

Грядущий Будда, Майтрейя, как указывается его имя, – Будда Сострадания и Любви. Этот те Бодхисаттва, в силу присущих ему качеств, часто именуется Аджита – Непобедимый.

Интересно отметить, что почитание многих Бодхисаттв нашло развитие только в школе Махаяны. Тем не менее, почитание одного Бодхисаттвы, Майтрейи, как преемника, избранного самим Буддой, принято и в Хиньяне. Таким образом, один только Бодхисаттва Майтрейя охватывает все пространство, являясь выразителем всех чаяний буддизма.

Какими же качествами должны обладать Бодхисаттвы? В учении Готамы Будды и в учении Бодхисаттвы Майтрейи, по преданию данному им Асанге в четвертом веке (МАХАЯНА – СУТРАЛАМКАРА), прежде всего отмечено максимальное развитие энергии, мужества, терпения, постоянства устремления и бесстрашия. Энергия есть основа всего, ибо в ней одной заложены все возможности.

«Будды вечно в действии; им неведома недвижность; подобно вечному движению в пространстве, действия Сынов Победителей проявляются в мирах».

«Сильный, отважный, твердый в своей поступи, не отказывающийся от бремени принятия подвига общего Блага».

«Три радости Бодхисаттв – счастье даяния, счастье помощи и счастье вечного познания. Терпение всегда, во всем и везде. Сыны Будд, Сыны Победителей, Бодхисаттвы в своем действенном сострадании – Матери всему сущему».

По всему буддийскому краю, на придорожных скалах, указывают путь изображения Майтрейи. От древнейших времен и доньше это изображение создается буддистами, знающими приближение нового века. Почтенные ламы в сопровождении учеников, художников и ваятелей в наши дни путешествуют по буддийским землям, созидая новые изображения символа чаяний светлого будущего.

Учение Будды должно быть проверено и дано на широкое пользование. В наше время странно думать об общине и не знать положений первого научного общинника. Рука Будды не знала покоя, слагая опыт мировой лаборатории. Одно то, что Будда заповедал мировую общину как эволюцию человечества, одно это сообщает его учению огненную убедительность.

В построении Будды можно двигаться по бесчисленным этажам, и двери везде будут открыты призывом общины. Точное знание Будды позволило ему определить точное состояние его современников и только в далеком будущем увидеть Общину Мира.

Уважение к Будде было таково, что никто не осложнил облик Учителя одеянием божественности. Будда запечатлелся человеком, Учителем утверждающим. В этом львином, огненном утверждении он дошел до предвидения Майтрейи – символа века познания величия материи и утверждения великой Мировой Общины!

И сказал Благословенный: «Нужно различать понимающих и соглашающихся. Понявший учение не замедлит применить его в жизни. Согласившийся будет кивать головой и превозносить Учение, как замечательную мудрость, но не применит мудрость в жизни.

Согласившихся много, но они, как сухой лес, бесплодны и без тени, только тление ожидает их.

Понявших мало, но они, как губка, впитывают драгоценные знания и готовы драгоценной влагой омыть скверны мира.

Понявший не может не применить Учение, ибо, понимая целесообразность, он получает его, как исход жизни.

Не теряйте много времени на согласившихся, пусть сперва покажут применение первого зова».

Так приписывают Благословенному целесообразное отношение к проходящим.

Значит, очищение Учения будет не только в принятии основ, но во введении их в жизнь. Отвлеченное понимание Учения Благословенного – невозможно.

Насколько оно проникало в жизнь, мы видим, как целые страны отпадали от Учения, когда оно вместо жизненных применений обращалось в отвлеченные трактаты. Теперь поразительный пример такого извращения и отпадания являет Тибет. Даже учение Бонпо усилилось, как реакция против уродливого извращения буддизма.

Тиши Лама признал невозможным остаться среди предателей Учения. По его примеру отошли из Тибета многие лучшие ламы. Без этих образованных лам Тибет погряз в преступном невежестве.

Такая действительность пригодна для наблюдения, как совершается умирание Учения.

В то же время можно видеть, какую победу совершает Учение в других странах, где мыслят о приложении основ к жизни.

Ту же задачу решают последователи Хинаяны, становясь терпимее. Будда, как источник, и Майтрейя, как общая надежда, объединят суровых последователей южного учения с многообразием севера.

Окончательно выступит наиболее существенное для ближайшего будущего. Вместо расцветения комментариев Учение снова будет приведено в красоту ценности краткой убедительности. Новое время века Майтрейи нуждается в убедительности. Вся жизнь должна быть очищена пламенем подвига!

Великий Будда, завещая Майтрейю, дал путь всего существования. К этим мудрым и ясным Заветам зовет явление новой эволюции.

Требование очищения Учения не случайно, сроки близятся. Изображение Майтрейи готово подняться.

Все Будды прошлого сочетали мудрость опыта и передали ее Благословенному Победителю.

Лама возглашает: «Да будет жизнь тверда, как адамант; победоносна, как знамя Учителя; сильна, как орел; и да длится вечно!»

Литература.

1. Ангуттара-Никая.

2. Асвагоша, Фо-Шо-Хин-Пань-Цзин, Жизнь Будды, китайский перевод Буддхачарита.

3. Джатака.
4. Маджжима-Никая.
5. Шикшасамуччая, составитель Шантидева.
6. Бодхичарьяватара, Шантидева.
7. Сутта-Нипата.
8. Дхаммапада.
9. Махаватгга.
10. Семь Палийских Сутр.
11. Священные книги Востока, т.19, Оксфорд, 1883 (см. также Paul Carus «The Gospel of Buddha»).
12. Милинда-Панха.
13. Самьютта-Никая.
14. Итивуттака.
15. Сутра 42 чл.
16. Удана.
17. Буддахачарита, Асвагоша.
18. Махапаринирвана Сутра.
19. Катха-Ваттху.
20. Махавасту.
21. Саддхарма-Пундарика.
22. Мадьямакаврители.
23. Лалитавистара.
24. Проповеди буддиста.
25. Васетха Сутра.
26. Мадьямакаватара.